

369 Царство

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Константин Подземельев

18+

Константин Подземельев

369 Царство

<https://litres.ru/74070856>

SelfPub; 2026

Аннотация

Получив странную посылку, я перенёсся в другой мир, где славянские боги проигрывают войну эльфам и оркам. Моё оружие — древняя сила «Распутник», позволяющая получать волшебные способности от женщин, с которыми я разделяю ложе, и волшебное "истинное зрение", которое облекает информацию об окружающих меня людей в системные параметры, как в видеоигре. Я соберу гарем и армию мертвецов, чтобы спасти мир от нашествия иноверцев.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. В которой я встретил Ку-ку	21
Глава 2. В которой я познакомился с маманей.	36
Глава 3. В которой я познал систему	50
Глава 4. В которой я начал понимать суть дела	65
Глава 5. В которой Мара показала свой нрав	80
Глава 6. В которой я познал Кукуню	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Константин Подземельев

369 Царство

Пролог

Ветер обдувает моё лицо. Я, шурясь, пытаюсь разглядеть, что происходит. Закрыться от потока ветра было нечем, так как руки изо всех сил вцепились в шершавую чешую на шее циклопического ящера.

Да, подо мной была шея огромного дракона.

Слева раздаётся грозный рык второй головы. Она изрыгает пламя.

Справа вторая голова верещит от боли. Я смотрю в закрывающийся глаз змия.

Он больше не контролирует падение.

Его тушу начинает разворачивать спиной вперёд. Нас с огромной скоростью несёт прямо на шпиль огромного готического замка, расположенного на вершине одинокой горы.

А там, откуда мы падали, сверху, в небесах разверзлась пасть межпространственной хтонической твари, и из пасти на нас сыпалось войско солдат, словно в сцене из какого-то фантастического фильма.

Я верхом на трёхглавом драконе падал вниз, больше не видя ни одного шанса на спасение.

В такие моменты вся жизнь проносится перед глазами. И вот моя жизнь пролетела словно один скучный миг прямо до той точки, с которой началось это очень странное приключение.

А именно с курьера, заставшего меня в не самый лучший момент моей жизни.

Это была морозная ночь. Пар вырывался изо рта. Холодный воздух наполнял мои лёгкие, заставляя беспокойное сердце сбиваться с привычно ускоренного ритма.

Я стоял на парапете девятиэтажного дома в домашних штанах и футболке. Передо мной раскинулась улица спального района, мирно спящая улица. Оттуда открывался отличный вид на крыши других домов.

По коже бежали мурашки. Холод пробирал до дрожи. Я смотрел вниз. Там, в девяти этажах от меня, покоился сугроб, утопивший в себе голые и колючие ветки кустарника из придомовой клумбы.

В голове промелькнула мысль сомнения. Если я прилечу вниз и влечу прямо в этот сугроб, то есть вероятность, что я не умру, или умру не сразу, а поначалу буду жутко мучиться. В воспоминаниях промелькнули образы давно минувших лет: как неудачная попытка суицида в соседнем доме закончилась для молодого человека поломанными ногами, лужей крови и инвалидностью, но не смертью.

Меня передёрнуло. Становиться инвалидом не входило в мои планы. Сомнения, подкреплённые чувством самосохранения,

нения, стягивали меня с парапета обратно на крышу дома. Может, дожждаться лета? Или найти крышу, которая была бы прямо около расчищенного асфальта? Или просто настолько высокую, чтобы даже сугроб не смог бы смягчить падение?

У подъезда дома, скрипя тормозами, остановилась девятка. Водитель, молодой парень на вид лет двадцати, пританцовывая, вышел из машины и начал шарить в багажнике.

Из машины доносилась какая-то почтовая мелодия, довольно бодрая и весёлая.

Этот пёс запарковался прямо напротив того места, куда я собирался приземлиться.

Если я выживу, придётся слушать эту хрень в последние минуты своей жизни. Ох нет, спасибо.

Если разбежаться посильнее, может, я смогу перемахнуть через машину?

Нет, скорее я свалюсь прямо на неё, и такое я тоже видел: неудачная попытка суицида – парень свалился прямо на крышу вот точно такой же машины и тоже выжил.

Люди очень живучие, когда сами того не хотят, конечно.

Звуки домофона донеслись снизу. Курьер начал звонить в чью-то квартиру. Если я свалюсь с крыши прямо сейчас, вероятно, сильно испорчу парню остаток вечера. Ему придётся вызывать скорую, полицию, объяснять, что он тут вообще случайно, просто мимо крокодил.

Ладно, дождусь, пока он свалит, а уже потом и сам свалю. Странное желание – не портить день какому-то случайному

человеку, когда сам уже решил распрощаться с жизнью. Какой-то необоснованный альтруизм. С другой стороны, он же ни в чём не виноват, зачем приплетать его в мою историю?

Домофон продолжает звонить.

Какой debil заказывает доставку и не встречает курьера? Люди совершенно безответственные. И ведь это получается мои соседи. Впрочем, судя по той кислотной желчи, что ежедневно изливается в домовую чат, они достойны участи быть унесёнными на тот свет вместе со мной. То им не нравится, сё им не нравится.

Я продолжал стоять на морозе, ощущая, как моё сердце переполняется ненавистью. Делаю глубокий вдох. Так, не хочу, чтобы последние мысли в моей жизни были об этих паскудных людях.

Сосредоточился. Закрыв глаза, попробовал расслабить плечи.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Ну что, этот курьер уже ушёл? Я опускаю взгляд вниз.

Домофон стих.

Дверь никто не открыл.

Машина всё ещё стоит внизу. Ну, вероятно, парень сейчас уедет, и я наконец закончу то, что начал.

В кармане штанов начинает вибрировать телефон.

Я удивлённо достаю его.

Номер не определён.

Сказать, что я удивлён, – ничего не сказать. Я даже немного возмущён тем, что кто-то решил отвлечь меня от моего крайне важного занятия своим спамом.

Сбрасываю звонок.

Убираю телефон в карман и снова смотрю вниз.

Курьер отходит от подъезда, озадаченно смотрит в свой смартфон и прикладывает его к уху.

Мой телефон снова звонит.

Достаю смартфон и вижу тот же – звонок не определён. Это мне, что ли, посылка? Отвечаю на звонок.

– Алло?

– Эм... здравствуйте, это курьер, я подъехал.

– Я ничего не заказывал.

– Эээ...

Я вижу, как парень озирается по сторонам в поисках номера дома, смотрит на бирку пакета. И в трубке раздаётся неуверенный вопрос:

– Дмитрий Владимирович Кошечев?

– Я... эээ... да, это я... но я ничего не заказывал. Что... откуда вы?

Я вижу, что парень продолжает озираться, возможно, он начал слышать мой голос и сейчас ищет взглядом окно, в котором я должен был бы на него смотреть.

– Я из... курьерской службы, мне дали адрес, имя и пакет,

сказали передать.

– В любом случае я ничего не буду принимать, так что забирайте себе посылку и всё, скажите, что доставили.

– Кхм... Нет.

Я слегка опешил.

– Что нет? В чём проблема?

– Я всегда доставляю посылки. Это дело принципа. И... там не примут отказа.

– Там? – От этого разговора мне начало становиться тошно. – Так... ладно, мне наплевать, сделай с ней то, что хочешь, а я... я своими делами займусь.

– Мне поручено передать лично в руки.

Я делаю глубокий раздражённый вздох.

– Парень. Посмотри наверх.

Он задрал голову, глядя на ночное небо, щурясь от фонаря, слепящего его прямо в глаза.

– Не туда... – Я закатываю глаза. – На дом... на доме... я над подъездом... на парапете.

Он наконец смог разглядеть меня. Я слегка помахал ему, чтобы обозначить, что это я ещё раз, словно до этого он не понял.

– Воу... а вы чего там? – раздалось удивлённое в трубке.

– Я собирался на рыбку нырнуть, пока ты не приехал. Смекаешь?

Курьер посмотрел на подъездную дверь, на свою машину и на посылку, а затем неуверенно вернулся к разговору. В его

голосе слышалось больше какой-то раздосадованной неловкости, чем переживаний или тревоги, какую можно было бы ожидать от того, кто застал человека в процессе суицида.

– Так... но мне нужно доставить посылку.

Я снова раздражённо выдыхаю.

Вдох.

Выдох.

– Парень. Через пару минут у тебя просто больше не будет адресата, просто... езжай отсюда.

– Слушайте, тут такое дело... я не могу.

– Всё ты можешь. Я никому не скажу. Обещаю.

– Нннет... вы не понимаете, от меня не примут отказа.

Или возврата, так это не работает.

– Да кто тебя вообще послал? Что там в пакете?! – Мой голос становился всё более раздражённым с каждой минутой нашего разговора.

– Меня это не касается.

– Ох... как тебя зовут?

– Артём.

Я постарался вложить в голос побольше уверенности, чтобы как-то надавить на парня.

– Артём, слушай меня. Просто сядь в машину и вали отсюда, иначе я прыгну башкой прямо на неё.

– Кхм... – Он снова посмотрел на машину, а затем на меня. – Давайте тогда я сначала её отгоню, а когда вы приземлитесь, я вам в руки положу посылку?

– Бля, ты чё, ебанутый?! – У меня аж глаза на лоб полезли.

– Я... я быстро! Щас, не прыгайте! Минуту!

Он рванул к машине. Подвеска скрипнула. Резкий удар по газам и тут же резкое торможение спустя пять метров. Он вылез и, облокотившись на крышу, стал выжидающе смотреть.

Могу поклясться, что смотрел он не с волнением, а с каким-то равнодушным ожиданием. Так по-деловому, словно каждый день наблюдает что-то подобное.

Я стоял на парапете и смотрел на него сверху вниз. Он смотрел на меня снизу вверх. Оглянувшись на дорогу, он крикнул.

Я вновь посмотрел перед собой на дорогу. Место расчищено: если долететь до этой едва расчищенной линии на снегу, то с большой долей вероятности я точно расшибусь насмерть. Вот только есть шанс, что с места я не допрыгну. Пока я размышлял об этом и собирался с мыслями, курьер крикнул мне снизу:

– Тут холодно! Можно побыстрее!?

– Блять! Я знаю, что тут холодно! Ты вообще в куртке! Я... ох... – Этот комментарий вконец меня выбесил, я ощутил, как боль, коловшая в груди и толкавшая меня на крышу весь сегодняшний день, уступает место гневу. – Ты можешь просто помолчать?

Он изобразил жест, как будто закрывает рот на молнию, и показал большой палец.

Снова тишина.

Я делаю глубокий вдох.

Вдох. Пар выходит изо рта. Я смотрю на дорогу. Смотрю на парня. Парень смотрит на меня, дышит на свои замёрзшие пальцы.

Чувствую, как внутри меня проносится тоскливое бурление. Прыгать уже не хочется. Я провёл ладонью по лицу. Ну что за дебильная была идея? Куда я залез посреди ночи? Кому что хотел доказать?

– Ладно! – крикнул я. – Я не могу прыгать, пока ты смотришь!

– Мне отвернуться?... я не против! – Он тут же развернулся спиной к подъезду.

– Нет! Ты мне всё настроение испортил! Выжди пару минут и снова звони в домофон.

Я побрёл обратно в квартиру. Тапочки норовили остаться в сугробах на той плоской крыше. Идти было неудобно, и оттого меня ещё больше раздражал этот день.

Почему даже с крыши прыгнуть не получается так, чтобы получилось нормально? Всё всегда через жопу, ни учиться нормально не получалось, ни работать, даже уйти из жизни не могу по-человечески.

С этими угрюмыми мыслями я вернулся в квартиру. Домофон уже трезвонил вовсю.

Открыл курьеру.

Дождался его на лестничной клетке.

Он поднялся на лифте и, встретившись со мной взглядом, мило улыбнулся.

– Дмитрий Кощев? – ещё раз спросил он.

Я наградил его равнодушным взглядом.

– Ты издеваешься? Давай сюда пакет! – рявкнул я. – Что у тебя там?

Артём протянул мне белый шуршащий пакет, словно из супермаркета.

Я раздражённо перехватил его. Не было видно, что там внутри, но явно что-то тяжёлое.

– Я не знаю. Удачного... остатка дня. – Он усмехнулся, кивнул и поехал на лифте вниз.

Пёс испортил мне вечер.

Ну, это я конечно тогда так подумал, сейчас-то, мысленно возвращаясь к этому эпизоду своей жизни, я понимаю, что тот странный курьер мне её спас. Позже я часто задумывался о том, насколько он был причастен к тому, что со мной случилось впоследствии. Был ли он частью этого всего или просто каким-то случайным человеком, который оказался в нужное время в нужном месте.

Жаль, что для того чтобы ответить на этот вопрос, пришлось пройти очень долгий путь.

Вернувшись в квартиру, я развернул пакет. Мне было очень интересно, кто это решил отправить мне что-то да ещё и столь странным способом.

Внутри был бумажный свёрток размером со средний ка-

чан капусты. Мятая крафтовая бумага уютно шуршала, пока я её разворачивал, сидя за столом на кухне.

То, что я увидел внутри, удивило меня ещё больше.

Большая бомбочка для ванной. Плотная, ярко-оранжевого цвета. И открытка.

На открытке, сделанной из плотного картона, каллиграфическим почерком было написано:

«Здравствуй, Дмитрий.

Рад, что ты спустился с крыши и всё же принял посылку...»

В этот момент я протёр глаза и начал читать чуть внимательнее.

По коже побежали мурашки. Сердце чуть ускорилося.

Я вообще никому не рассказывал о планах на вечер, это был спонтанный порыв.

Ещё раз пробежался по первым строчкам. Всё так:

«...Ты наверное сейчас удивляешься тому, что я знаю, что ты делал сегодня вечером. Удивляться не надо. Я твой друг. Очень близкий друг и очень хочу тебе помочь...»

Я с подозрением кинул взгляд в окно. На моей кухне не было занавесок, жизнь на седьмом этаже позволяла не переживать о том, что кто-то будет подглядывать, а соседние дома слишком далеко, чтобы думать, что кто-то будет подсматривать. По крайней мере, я судил по себе: ведь моё зрение не позволяло разглядеть обитателей соседних домов.

В тот же момент я подумал о том, что возможно кто-то

всё-таки за мной и наблюдал. Но вот зачем, было решительно непонятно.

Продолжил читать.

«...Нет, я не смотрю на тебя из соседского дома, как ты мог бы подумать...»

По спине пробежала новая волна мурашек. В горле встал ком.

«...Я знаю, что последние несколько лет были очень тяжёлыми для тебя. Унылая работа. Бессмысленная жизнь. Или наоборот?»

Антидепрессанты. Алкоголь. Тебе не помогло ни то ни другое.

Но я смогу тебе помочь. На самом деле тебе нужно расслабиться. Перестать заниматься думскроллингом и принять ванну. Да, я знаю, о чём ты подумал, что это полный бред, это бессмыслица. Ты не любишь принимать ванну. Но ты должен мне поверить. Эта бомбочка для ванны испаряет особые вещества в воздух, от их аромата испытываешь блаженство...»

Я усмехнулся на этом моменте и посмотрел на ту самую бомбочку, лежавшую на столе рядом. Текст дальше заставил меня стереть ухмылку с лица.

«...Я знаю, делать то, что написано в странных записках, это глупо. Но знаешь, что ещё глупо? В мороз залезать на крышу и стоять там как дурак, не решаясь сделать шаг навстречу смерти. Ты тот шаг так и не сделал, а значит, ты ещё хочешь вернуть себе вкус к жизни. Я предлагаю решение.

Просто доверься мне и сделай всё по инструкции на обороте.»

Я перевернул открытку. На обратной стороне была простая инструкция, сопровождаемая простыми схематичными картинками:

«1. Наполнить ванну горячей водой.

2. Снять с себя одежду.

3. Залезть в ванну.

4. Опустить бомбочку в воду.»

Я бросил открытку на стол. Посмотрел на бомбочку. Взял её в руки. Она была тяжелее, чем я ожидал. Словно была сделана из чего-то очень плотного.

Принюхался. Ожидал ощутить какой-нибудь абрикосовый аромат.

Пахло ничем.

Абсолютно.

Я прошёлся по кухне взад-вперёд и, выглянув в окно, хорошенько задумался. Какой-то странный курьер передаёт очень странную посылку с очень странным письмом. Это всё выглядит как какой-то развод. Может, меня хотят ограбить?

Я окинул взглядом сохранившееся ещё с советской эпохи застройки убранство кухни. Ну да. Конечно. Меня хотят ограбить. Именно меня. У меня же есть что воровать? Да и не легче ли было бы тогда просто прийти в квартиру, когда я вниз спрыгну?

Происходящее меня встревожило. Даже больше, чем

обычно.

Я сгрёб бумагу, пакет и злосчастную бомбочку для ванной в свежее мусорное ведро и пошёл спать. День показался мне совершенно бессмысленно прожитым, и накатило стремление поскорее с ним покончить.

Уснуть я не смог.

Мысли в голове метались из угла в угол. Крыша, мороз, курьер. Письмо. Кто это? Зачем? Почему? Какого хрена?

Сердце отдавало болью в груди. Я ощутил, как уже привычно защемило, затруднив дыхание.

Я помню, как врач сказала мне, что это не паническая атака. Я же не бегу в панике. Это просто тревога.

Я же окрестил это тревожной атакой.

Сел на кровати. Взял в руки телефон. Маленький дофаминовый всплеск обычно давал мне несколько минут спокойствия.

По привычке открыл ленту новостей. Быстрым движением пальцев пролистал её. Глаза цеплялись за заголовки.

За последние полчаса в мире не случилось ничего принципиально нового. Всё так же в дерьме, как и полчаса назад. Как и час назад. Как и десять лет назад.

До просмотра видео с котиками я так и не дошёл. Судорожно листая новости, осознал, что снова испытываю приступ боли в груди.

Злосчастный думскроллинг.

Кто бы ни был отправитель. Этот хрен с горы действитель-

но хорошо меня знал.

Идея сделать всё по инструкции показалась мне не настолько безумной. В конце концов, я только что пытался сброситься с крыши. Что со мной может сделать бомбочка для ванной?

Разве что меня пустят на органы? Но в таком случае я принесу человечеству больше пользы, чем приношу сейчас. Эта мысль меня позабавила.

Встал с кровати, достал из мусорного ведра бомбочку. Благо ведро было пустым, и она не испачкалась.

На всякий случай проверил дверь, запер на все замки и на цепочку. Ну, так, на всякий случай.

Набрал ванну.

Разделся. Залез.

К горячей воде было тяжело привыкнуть.

Не люблю я все эти водные процедуры. От них всегда какое-то головокружение начинается, что в бане, что в ванной. Давление. Наверное, проблемы с сердцем.

Я протянул руку и взял с пола бомбочку.

Положил её в воду где-то в районе ног.

Я ожидал увидеть, как поверхность этой штуки сразу начнёт вступать в химическую реакцию, забурлит и завоняет чем-то приятным.

Но как будто ничего не происходило.

Бомбочка мягко задрожала, будто внутри пошла некая реакция. Я подумал, что, может быть, так и должно быть.

Откинулся назад, оставив её в ногах.

Вдох. Выдох.

– Ну давай, волшебная штука. Делай мне хорошо уже...

– выдохнул я.

Мой голос гулко реверберировал со старой отваливающейся плиткой.

Вибрация усилилась. По воде пошли пузырьки.

Наконец-то.

Но запах. Он сразу же показался мне каким-то странным.

Он был каким-то техническим. Я закашлялся.

Бурление стало активнее.

Завоняло чем-то настолько отвратным, что к горлу подступил рвотный рефлекс. Я с трудом его погасил.

– Успокут... ага, шас...

Я недовольно потянулся за бомбочкой, собираясь вынуть её уже из ванной, пока вся квартира не провоняла этой штукой.

В этот момент я увидел, как вода начала быстро утекать, как мне показалось, в слив.

Но довольно быстро мне стало понятно, что она утекала не в трубу.

Ища пальцами шершавую круглую штуку под пенистой водой, я вдруг нащупал гладкий металл.

Бомбочка внутри была стальным шаром размером примерно с кулак. Вода утекала прямо в неё, в эту штуку, сквозь пальцы.

Я достал её из воды.

Гладкий полированный металл отражал моё недовольное лицо.

А вода струилась по моему телу, вдоль руки и всасывалась прямо в эту штуку. Время словно замедлилось. Я ощутил, как всё вокруг начало дрожать.

– Какого... – только и успел пробормотать я.

А затем меня ослепила яркая вспышка.

Стальной шар за доли секунды разогрелся до какой-то невероятной температуры, обжигая мне ладонь. Засиял и светом своим высветил всё вокруг.

Я зажмурился, но всё равно видел этот свет даже сквозь веки.

Неожиданно ванна из-под меня пропала. Я понял, что начал куда-то проваливаться...

Глава 1. В которой я встретил Ку-ку

Я понял, что больше не в своей ванной: пространство вокруг стало просторным, но в то же время вязким, как будто я окунулся в бассейн с киселём. Каждое движение вязло и тянулось. Меня вращало и крутило в этом киселе.

Я проваливался в плотную завесу темноты, не способный даже закричать. Плотная тьма проникла в меня через рот, заполняла лёгкие, заливалась в уши и давила на веки.

Рвотный позыв заставил моё тело содрогнуться.

Я начал кашлять, и тут вязкость куда-то пропала, словно растворилась во мне. На место плотной тьмы пришла холодная лёгкость.

Я открыл глаза, и у меня перехватило дух. Моё тело неслось навстречу тёмным водам какого-то озера. Яркая вспышка уходящего солнца мелькнула на горизонте.

Жёсткий удар об водную гладь.

Всплеск.

Вода. Холодная. Бодрящая.

Меня утянуло глубоко вниз, ноги не достают до дна.

Ужас пробирает до костей.

Я начинаю плыть вверх, на свет. С шумным вдохом и последовавшим за ним кашлем вынырываю на поверхность.

Барахтаюсь.

Я в шоке.

Вижу рядом, в паре десятков метров, берег и со всей силы гребу к нему.

Холод сковывает всё тело.

Вода в озере холоднющая, словно под лёд провалился. По всему телу проносятся иглы боли.

Я продолжаю плыть. Нельзя останавливаться: в любую секунду может свести мышцу.

За пару минут добираюсь до суши.

Пальцы впиваются в илистый грунт, и я утопаю в нём по предплечье.

Ногами начинаю перебирать в вязкой трясине.

Покачиваясь, встаю над водой и, с трудом переставляя ноги, выхожу на сушу.

Весь сгорбился. Грязная от ила кожа покрылась густым слоем мурашек.

На мне нет одежды.

Обнимая себя за плечи, судорожно осмотрелся по сторонам.

Передо мной был лес. Зелень хвойных гигантов впере-мешку с обнажёнными стволами лиственных деревьев плотными рядами подступала прямо к водной глади. Вся листва давно опала, покрыв землю жёлтым ковром. Но в воздухе продолжала витать хвойный аромат.

Изо рта с каждым судорожным выдохом вырывались роб-

кие клубы пара.

Зубы дрожали. Сказать, что я был в шоке, — ничего не сказать.

— Ка-к-кого-го хре-н-н-н-на... — дрожащим голосом пробубнил я, оборачиваясь по сторонам.

Позади меня раскинулось широкое озеро. Его можно было бы принять за море, но где-то там, на горизонте, виднелись столь же высокие и обнажённые деревья.

Вода была спокойной, гладкой, почти зеркальной.

Ветра совсем не было.

Я, быстро смекнув, что упал в это озеро сверху, посмотрел в небо в надежде увидеть... ну, может быть, что-то, откуда я мог свалиться, но ничего там не увидел. Просто вечернее небо с едва проглядывающимися звёздочками.

Солнце было где-то далеко за деревьями слева, окрашивая небо в тёмно-алые тона. Стало понятно, там запад. Или восток? Который сейчас час? Я ведь в ванную ночью полез, значит сейчас уже утро, а там солнце восходит, а не садится, значит там восток.

Я начал бить себя ладонями по щекам в надежде, что это всё какой-то безумный сон или приход от лютой наркоты, с которой я окунулся в свою тёплую ванну.

Щёки едва ли чувствовали удары. Всё онемело. Пальцы едва шевелились.

Нога случайно наступила на что-то жёсткое, чуть не упал. Посмотрев вниз, увидел ту самую стальную сферу. Уже

покрытая слоем грязи, она наполовину вошла в грунт, потянув за собой опавшую листву.

Дрожащими пальцами я схватил с земли эту штуку и, вцепившись обеими руками, начал рассматривать, судорожно ища какую-нибудь кнопку или ещё что-то, что могло бы вернуть меня назад. Я подумал: может, это какой-то телепортатор, технология древних ануннаков или рептилоидов, которые решили забрать меня на свою планету.

Протёр, поскоблил ногтями. Прижал к уху в надежде услышать, как внутри работает какой-нибудь механизм. Но всё было тщетно.

Стальной гладкий шар был совершенно лишён хоть каких бы то ни было опознавательных знаков, кнопок или бороздок. Идеальная сфера без изъяна. Без звуков, без тепла. Просто стальной шар.

— Нет... нет... нет... какого хрена... — продолжал я шептать, крутя его в руках. — Это всё какой-то бред.

Глазами начал искать под ногами какой-нибудь камень и уже подумывал как расколю эту штуковину, ну или хотя бы попробую. Как вдруг:

— Ку-ку. — раздался сбоку женский голос.

Я замер и, вытаращив глаза, повернул голову. Мрачный тёмный лес был неподвижен. Я никого не увидел. Но кто-то же издал этот странный звук.

— Кто тут? — спросил я, делая пару шагов в сторону, чтобы заглянуть за стволы ближайших деревьев.

— Ку-ку...

Снова раздалось откуда-то, но уже с другого бока. Лёгкое эхо несколько раз подхватило это самое «ку-ку» и унесло куда-то дальше, вглубь чащи.

Я уже не решался окликать снова. Начали закрадываться мысли, что я просто схожу с ума. Кукуха поехала, и теперь реально кукует прямо в голове.

Мой взгляд медленно двигался вдоль тёмных стволов деревьев. И тут снова:

— Ку-ку. — прямо возле меня.

Я повернулся и вздрогнул.

В шаге от меня стояла девушка. Прямые длинные чёрные волосы едва прикрывали девичье лицо. Острый нос, тонкая полоса губ. Большие тёмно-синие глаза смотрели на меня с лёгким любопытством и интересом. На ней была длинная льняная рубашка и кожаный меховой жилет поверх. В руках она держала нечто, напоминающее посох. На ногах обуви не было, впрочем, как и у меня.

Вспомнив, что стою перед девушкой совершенно голый, я резко спохватился и прикрыл срамоту обеими руками, сделав пару шагов назад.

Девушка игриво улыбнулась и чуть наклонила голову, заведя руки за спину.

Я понял, что прижал стальную шутовину к своему хозяйству, испугался, что эта штука радиоактивная, и тут же эту руку со сферой убрал за спину.

Девушка наблюдала за мной с интересом.

— Ку-ку? — спросила она, стрельнув глазками.

Я не сразу понял, реальная она или нет, разговаривает ли она со мной или издевается. Место, в котором я оказался, не было похожим на Подмоскowie.

Может, от холода и страха, а может, просто от какой-то несообразительности, я ответил:

— Ку? — и сделал робкий кивок, не отводя взгляда от её тёмно-зелёных глаз.

— Это я тебя спрашиваю, дурачок: ты ку-ку? — спросила она, осматривая меня снизу вверх и обратно.

От сердца чуть отлегло. Говорит по-человечески, по-русски. Значит, я дома. Всё хорошо.

— Вы не подумайте... — сказал я. — Я не извращенец... я просто... эм... — Я запнулся, пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить, как я тут оказался. С другой стороны, я же не просто голый в парке — я из озера вышел, так что... — Я просто тут купался и что-то куда-то не туда заплыл... Подскажите, а Москва в какую сторону?

Девушка чуть приподняла брови и начала вышагивать вокруг меня, меряя землю шагами. Её взгляд скользил по моему телу. Она словно изучала меня. От такого пристального внимания мне даже стало как-то не по себе. А ещё говорят, это женщин все сексуализируют.

— Заплыл не туда? — усмехнулась она. Между нами было расстояние в пару шагов, и я следил за ней взглядом. По-

няв, что она уж больно внимательно меня разглядывает, я постарался спину всё же выпрямить, чтобы хоть немного качественней выглядеть, насколько это было возможно. — Какой дурак в Кощеево озеро ползет, да посреди осени?

— Так тут такое дело... — усмехнулся я. — Это получается моё озеро — я ведь Кошеев.

Сделав вокруг меня полный круг, она остановилась и чуть удивлённо посмотрела на моё лицо.

— Ты? — ткнула пальцем в сторону моей груди. — Кошеев?

— Да. — попытался улыбнуться я. — Дмитрий Кошеев, будем знакомы... я бы протянул руку... но тут такое дело — руки заняты. — Я пожал плечами.

— Дмитрий... Кукушеев... — усмехнулась она. Её голос был игривым, словно слегка безумным. Как будто всё происходящее было забавной игрой.

Я окинул округу взглядом. Она сказала: «посреди осени». Только в тот момент я понял, что лес был неправильным. В этом лесу не было снега. Тогда должен был быть конец января. Сугробы должны быть по колено. А вокруг были только пожухлые листья. Да и вода в озере не замёрзла: она была холодной и пресной — это я усвоил, наглотавшись воды, когда выбарахтывался на берег.

— Я ведь не в Подмосковье? — спросил я чуть понуро.

— Нет, ты скорее под мухой. — Девушка снова начала ходить вокруг меня. — Замёрз поди?

— Есть такое... Где тут ближайший... хм... магазин? Я, может, оттуда такси вызову? — Я всё ещё не терял надежды на то, что это всё просто какой-то затянувшийся прикол.

— Говоришь ты чудно, Кощеев.

— Может, мы как-то неправильно начали... — Я чуть закатил глаза. — Как Вас зовут?

— Меня? Меня не зовут. Я сама прихожу... ну лааааадно, я не прихожу. — Она изобразила наигранную грусть и вытерла со щеки несуществующую слезу. — Меня маменька никуда не пускает.

— Маменька? — Я ухватился за её «маменьку» как за спасательную соломинку. Может, девушка просто умственно отсталая, и тут рядом её «маменька», и она адекватная и поможет мне с моей ситуацией. — А где твоя маменька? Может, ты отведёшь меня к ней?

— Хочешь к маменьке? — Девушка снова остановилась и игриво улыбнулась. — Все хотят к маменьке... а что ты дашь ей в подарок? — Её голос стал неожиданно серьёзным, отчего мне самому стало немного не по себе.

— Кхм... я... подарю... это. — Выбор был невелик. Достав из-за спины руку со стальной сферой, я показал эту штуку девушке. Она, вероятно, и так видела её, пока ходила во-круг, так что сюрпризом это для неё не было, вернее сказать, не должно было быть.

Но эффект оказался совершенно обратным. Наигранно вытаращив глаза, она уставилась на стальную сферу в моей

руке и, нагнувшись, начала разглядывать её поближе.

— Ммм... какая красивая... а что это? — Она подняла свои большие глаза на меня.

— Эээ... это массажёр против варикоза... — усмехнулся я.

Девушка разразилась надрывным смехом.

— Масложор! Ха-ха-ха-ха!

Она держалась за живот и размахивала своим посохом, ударяя им об землю. Её звонкий голос эхом разносился по лесу. Стайка птиц взмыла в небо где-то неподалёку.

Я снова начал неуверенно оглядываться по сторонам. Может, меня так накрыло в ванной, что я совсем того стал и соседей залил, они скорую вызвали, а меня в дурку отправили, и я в той дурке пару лет провёл, пока случайно в сознание не пришёл. Робкая надежда, что сейчас из-за деревьев покажутся санитары в белых одеждах с тёплой смирительной рубашкой наперевес, была стремительно оборвана резко прекратившимся смехом странной девицы.

— Хорошо. — Это она произнесла вообще без веселья. Её настроение сменялось столь стремительно, что это вызывало какое-то неприятное ощущение где-то в районе груди.

Когда около тебя находятся люди, столь непредсказуемые, это создаёт эффект зловещей долины. Эта девушка с её бледной чистой кожей, нереально ровными волосами и большими глазами точно была не в порядке. И кто знает, не решит ли она проткнуть моё тело своей палкой.

Но стоило мне только подумать о том, что, возможно, сейчас придётся защищаться от обезумевшей девки в лесу, как она, махнув волосами, быстрым шагом направилась в лес.

Спустя шагов десять она резко обернулась и удивлённо посмотрела на меня.

— Тебе что, особое приглашение нужно?

— Кхм... нет. — Чуть встрепенувшись, я зашагал за ней.

Поспевать было тяжело.

Руками я продолжал прикрываться, так как всё ещё испытывал неловкость. Мало ли что подумают люди, когда увидят, что голый мужик бежит за молодой девушкой. Лучше лишний раз перестраховаться.

Босиком по лесу идти было некомфортно: хоть вся земля и была усыпана листвой, ноги постоянно нарывались то на ветку, то на шишку, то на камень.

Каждый раз я недовольно шипел и сопел, перепрыгивая через очередной болезненный участок.

А девка тем временем уже успела далеко вперёд. Она, видимо, привыкла ходить босиком по лесу. Я едва поспевал, только и мотал головой туда-сюда: то вниз, чтобы не встать не туда, то вперёд, чтобы разглядеть её белую фигуру среди чёрных деревьев.

А вечер тем временем становился всё темнее. Вглядываться во мрак наступающей ночи было тяжело. И в какой-то момент я понял, что остался один. Я остановился.

Стояла холодная тишина. Даже собственное сердцебие-

ние казалось громким.

Затаил дыхание.

Девушку не было ни слышно, ни видно.

— Эй! Ку-ку! — крикнул я. — Ты куда убежала?!

Мой голос эхом разнёсся по округе, отразился множество раз и вернулся ко мне многозначным «ку-ку... ку-ку... ку-ку».

Ну зашибись... принял ванну с душистой бомбочкой.

По телу пробежала неприятная дрожь. В животе заурчало. Помереть от переохлаждения посреди леса не входило в мои планы. Нет, я, конечно, хотел спрыгнуть с крыши, но на то была причина: это было бы быстро и резко, и я бы не мучился в процессе. А умирать в лесу можно очень долго и неприятно — мучения в мои стремления никогда не входили.

Лес явно подслушивал мои мысли. Так как стоило мне только задуматься о мучительной смерти в пасти какого-нибудь медведя, где-то вдали раздался волчий вой.

Долгий. Протяжный.

— Ну, конечно. — тихонько пробубнил я. — Поменяй чёрта... Эй! Кукушка! Ты куда убежала?!

Пальцы крепче вцепились в стальную сферу, пусть я не знаю, что это такое, но эта штука тяжёлая и ей можно отбиться в случае чего.

Протянув перед собой свободную руку, я начал продвигаться в темноте леса.

Ветки, бьющие по лицу.

Страх от движения в полном мраке.

Я никогда не видел таких тёмных ночей. Собственных рук не видно. Это было совершенно ненормально. Мне нужен был ориентир. И тут я ударил себя рукой по лбу, ориентир у меня всегда был прямо перед носом. Я поднял взгляд в верх.

Чистое небо было усыпано звёздами. Полотно, продырявленное миллионами иголок. Россыпь ярких точек на чёрном покрывале зависла надо мной и смотрела сверху сквозь тернистые ветви осенних деревьев.

Взглядом я скользил по этим огонькам в поисках уже знакомого мне ковша Медведицы. Если солнце садилось с той стороны, то ковш должен был быть... или солнце садилось с другой стороны... как давно я уже иду в этом направлении? Мы точно не поворачивали?

Я продолжал искать, но не находил ни одного знакомого созвездия. Это меня напугало не на шутку. Если я не вижу знакомых звёзд, это означало, что я либо на другом полушарии, либо на другой планете. Но тот факт, что тут была девушка, говорящая по-русски, всё же оставлял в моём сердце надежду на первое.

— Ку-ку. — снова раздалось где-то совсем рядом.

Я повернулся. Но, разумеется, ничего не увидел.

— Где ты? — тихо спросил я.

— Протяни руку. — раздался игривый голос в паре шагов от меня.

Я протянул руку, в которой не было стального шара, впе-

рёд.

Пальцы девушки легонько скользнули по моей кисти. Я непроизвольно вздрогнул.

Они поначалу осторожно ощупывали, словно изучали. А затем, резко схватив меня, она потянула за собой, да с такой силой, какую не ожидаешь от пятидесятикилограммовой девушки.

— Воу! Полегче! Я же ничего не вижу! — запротестовал я, со страхом переставляя ноги во мраке в надежде не напороться ступнёй на какой-нибудь сук или, не дай бог, капкан.

В ответ я услышал лишь игривый смех.

Пролетает минута, вторая.

Я весь напряжён. Она бежит по лесу, ведя меня за собой.

Я ловлю на себе удары колючих веток, щурюсь и боюсь остаться без глаза, прикрываю лицо второй рукой. В какой-то момент я не выдержал.

— По медленней! — Дёрнув руку девушки на себя я чуть замедлился. Она продолжала тянуть, словно пёс на поводке она держала мою руку в натяг. Сопротивляться ей было непривычно тяжело.

Не сразу я заметил, как мы вышли на лесную опушку. Под ногами забрезжил тусклый свет. Подняв взгляд, я увидел, что вокруг в воздухе витает множество маленьких светлячков. Но это были не насекомые, а словно маленькие горящие иголки, опавшие с местных елей.

Они парили в воздухе, светясь мягким оранжевым светом,

который изредка переливался в холодный голубоватый и обратно.

Этого света было достаточно, чтобы высветлить замёрзшую, но ещё зелёную траву под ногами.

Девушка замедлила шаг и отпустила мою руку.

Она пошла вперёд, опережая меня.

Я шёл следом, чуть замедлившись, ошалевшим взглядом смотрел по сторонам. Я никогда в своей жизни не видел такого странного природного явления. Оно явно было не природным. Но на тот момент я был слишком измождён, чтобы напугаться, поэтому просто разглядывал их.

Девушка шла быстрым шагом, и в месте, куда она ступала, в разные стороны разлетались новые светящиеся иголки. Как будто это именно она их создавала. Заворожённый этим эффектом, я даже остановился, разглядывая очередного светлячка, опустившегося мне на ладонь. Но её голос вновь вернул моё внимание вперёд.

— Избушка, избушка, повернись к нави задом, ко мне передом!

— Да нууу... — протянул я, нервно сглатывая.

Впереди, метрах в пятидесяти, воздух начал клубиться, увлекая за собой светлячков. Ветер огибал незримое препятствие, вырисовывая контуры.

Контуры здания, которое избушкой называть было явно неправильно.

Из мрака мало-помалу начал вырисовываться двухэтаж-

ный терем с острой высокой крышей. Стены из огромного бревенчатого сруба, почерневшего то ли от времени, то ли от пожара. Из больших вертикальных окон бил тёплый жёлтый свет. А опирался этот дом на два массивных деревянных столба, которые очертаниями и формами явно отсылали к куриным лапкам. Словно всё здание — это верхняя часть какой-то огромной протокурицы, размерами побольше, чем тираннозавр.

Порог дома возвышался над землёй всего в полутора метрах, и к нему вела хлипкая деревянная лестница без перил.

— Маминькая! Я тебе нового мужика привела, он уже голый! — гордо сообщила девушка, встав перед лестницей и уперев руки в боки.

В моей голове промелькнуло быстро «В каком смысле тебе нового мужика?». Сердце начало ускорять ход. Пальцы крепче сжали сферу.

Сзади волки, спереди ведьмы.

Отступить некуда, Москва... чёрт знает где...

Дверь со скрипом отворилась.

Глава 2. В которой я познакомился с маманей.

Яркий жёлтый свет осветил и лестницу, и странную де-вушку.

Мои глаза с непривычки после долгих блужданий по кро-мешно тёмному лесу защипало. Прищурившись, я закрылся от этого света рукой.

Глядя сквозь пальцы, я ожидал увидеть старуху, которая будет жутко ковылять в мою сторону по ступеням.

Но, к моему удивлению, на пороге показалась статная женщина. Волосы белые, заплетены в тугую косу, перебро-шенную через плечо.

Острые черты лица, пронзительный, надменный взгляд. Прямая, гордая осанка. Она смотрела сверху вниз и в пря-мом, и в переносном смысле.

На ней была холщовая рубаха на голое тело, повязанная на широких бёдрах. Низ рубахи едва доставал до середины бедра. Сверху она была расстёгнута, оголяя пышное деколь-те.

Её фигуру можно было охарактеризовать как спортив-ную. На обнажённых ногах виднелись очертания мышц, ру-ки, скрещенные на груди, поддерживали грудь, визуальнo её ещё больше выделяя.

— Сейчас не сезон для мужиков, — сказала она слегка брезгливо. Голос был ровный, строгий. Таким голосом общается царица с холопами.

Если бы я не знал, что девушка — её дочь, я бы предположил, что маменьке лет тридцать, но прикинул, что ей скорее должно быть около сорока. Но даже эта оценка, вероятно, была ошибочна. Внешность была крайне обманчива.

Я, увидев, что женщина внимательно осматривает меня, снова прикрылся. Я всё ещё был голым, и эта ситуация меня совершенно не красила. Особенно всё это было неловко в связи со стоявшим на улице морозом.

— Ну ма-ам, я его нашла у озера, он говорит, что он Кошечев! — заканючила девушка.

— Кошечев? — в голосе женщины послышался интерес.

— Да, — отозвался я, не дожидаясь, пока она обратится ко мне. — Дмитрий Кошечев! Будем знакомы. А как вас зовут?

Девушка посмотрела на меня, улыбнувшись, и отошла чуть в сторону, видимо, чтобы её маманя смогла меня лучше рассмотреть. Та, вальяжно покачивая бёдрами, начала спускаться по ступеням.

— Меня зовут по-разному, — половицы мерно поскрипывали под её ступнями, — старухой, бабайкой, бабой Ягой... — Светящиеся иголки начали медленно вращаться вокруг нас, постепенно сжимая кольцо, оставляя освещёнными только меня и её. Она же продолжала, голос её, властный и гордый, с каждым шагом ко мне становился чуть ниже

и тише: — Седой с косой, смертью лесной, костяной ногой.

— Всё это, очевидно, брехня, — усмехнулся я, проведя взглядом по её длинным очаровательным ножкам, которые совершенно точно не были костяными.

— И как бы ты меня назвал, путник? — Она поравнялась со мной и, подобно своей дочке, начала ходить вокруг, изучая глазами. Но шаги её были медленнее, плавнее. Она не вышагивала. Она плыла.

— В других обстоятельствах я бы назвал вас очаровательной незнакомкой, — ответил я, следя за тем, как она совершает свой круг почёта. — А сегодня, наверное, назвал бы своей... спасительницей?

— Можешь звать меня просто Мара. — Она не улыбнулась. В отличие от дочери, Мара была очень размеренна и спокойна. — Ты мне нравишься. — Она улыбнулась. — Только тиной от тебя воняет. — Она снова встала напротив меня, скрестила руки на груди и оперлась на одну ногу.

— Кхм... Я в озеро свалился...

— Откуда свалился?

— Прямо из своей квартиры. — Пожал я плечами.

— Я же говорю, он Кощеев! Слова чудные говорит! — воскликнула девчушка, подбежала ко мне сбоку и потянула за руку со сферой, очевидно, чтобы я показал артефакт матери. — А ещё у него яйцо с собой!

— Эй! — я с силой отдёрнул руку.

Меня удивили её слова. «Яйцо»? Она считает, что в этом

стальном шаре моя смерть заключена, что ли? Если бы у старика из сказок игла была бы в таком спрятана, хрен бы кто его убить, конечно, смог.

— Кукуня, это невежливо! — резко бросила женщина своей дочке, и та, чуть понуро выдохнув, отпустила меня.

Кукуня. Отличное имя для той, кто всегда говорит «куку», подумал я. Только что-то в сказках я про неё ничего не помню.

— Что там у тебя? — властно спросила женщина, кивнув на руку с артефактом.

— Без понятия. — Я пожал плечами и протянул ей сферу.

Она протянула руку, желая взять стальной шар, но, клянусь, в момент, как только её пальцы едва коснулись гладкой стальной поверхности, тишину этого мрачного леса разрезал до боли знакомый мне звук разрядов статического электричества.

— Ой! — Кукуня подпрыгнула на месте, подтверждая, что не я один это слышал.

Неожиданно резко Мара отдернула руку. На секунду в её взгляде скользнули удивление, ярость и испуг одновременно. Но только на мгновение. Затем осталось только удивление. Её взгляд, заворожённый странным артефактом, был прикован к собственному отражению в полированном металле.

Несколько томительных секунд она не решалась прикоснуться ни к сфере, ни ко мне.

— Хм... — долго рассматривая стальной шар в моей дрожащей от холода руке, она приподняла брови и посмотрела мне в глаза. Её радужка тоже была тёмно-синей, такие же острые черты лица, как у Кукуни, разве что губы пухлые и алые.

Взгляд стал другим, чуть задумчивым, чуть игривым. Она словно пыталась заглянуть мне в душу.

От этого взгляда стало не по себе, и по спине побежали мурашки. Я выдохнул очередной клуб белёсого пара и сказал:

— Знаете, тут вообще-то прохладно... — Я переступал с ноги на ноги, от долгого стояния на морозной земле я начинал чувствовать, как ступни просто простреливает боль. — ...Может, в дом переместимся? — я кивнул в сторону двери.

— Нет. — Отрезала Мара.

— Как? — Удивилась Кукуня. И тут же затараторила: — Я его что, просто так сюда по лесу вела!? Кустами окольными, зарослями колючими, озёрами мёртвыми!

— Цыц! — Мара резко посмотрела на дочь. И та, сделав шаг назад, затихла.

Тут уже у меня глаза округлились. Так долго выхаживала, высматривала — и что, решила меня на морозе оставить?

— Слушайте, ну хотя бы одежду дайте и скажите, в какой стороне город... — Сказал я, оглядываясь по сторонам. Вспомнились волки, вывшие где-то вдалеке. — И может, то-

порик какой...

— Прежде чем входить в мой дом, тебе надо отмыться.

Я удивлённо посмотрел на женщину.

— В смысле... — Я подозрительно прищурился. Неужто она хочет меня обратно на озеро отправить?

— Всё это. — Она указала пальцем на мои испачканные чернотой ноги, руки и отчасти живот. — Надо смыть, нечего грязь с Кощеева озера в дом нести. Ей место в сырой земле. Баня ещё не остыла, можешь сходить и помыться там. — Голос стал чуть мягче.

— Баня? — Я огляделся в поисках этой мистической бани. Во мраке местной ночи не было видно решительно ничего.

Мара щёлкнула пальцами.

Парящие вокруг нас светящиеся иголки изменили движение. Их будто понесла незримая река или ручеёк. Закручиваясь спиралью, они начали виться вдоль земли, подсвечивая тропинку, огибающую избушку на диназаврих ножках и ведущую к небольшому срубам, притаившемуся в паре десятков метров дальше по дороге.

Я наблюдал за этим колдовством, раскрыв рот. После этого стало совершенно очевидно, что всё, что тут происходит — это какая-то чертовщина и к никакому реальному миру она отношения не имеет.

Кукуня игриво захихикала, прячась за матерью.

— Ступай. — Скомандовала Мара. — Как отмоешь с себя

навью грязь, приходи. А ты, — она обратилась к Кукуне, — иди и воды принеси ему.

— Да я сам могу... — начал было я, но девушка уже растворилась во мраке ночи.

Мара наградила меня долгим и пристальным взглядом и, развернувшись, пошла обратно в дом.

Я пару секунд смотрел ей вслед. Изяществу её походки могли позавидовать модели. Когда она поднялась на верхние ступени и полы рубахи начали подниматься совсем высоко, я отвёл взгляд. Не хотелось показаться извращенцем в глазах этой добрейшей женщины, что впустила меня в свой дом.

Я приблизился к небольшому бревенчатому сруб и потянул на себя массивную дверь. На меня изнутри тут же вырвался поток тёплого воздуха, пахнувшего древесиной, паром и дёгтем.

Тут же внутрь полетели те самые светящиеся иголки. Они заползали меж брёвен и бились в углы. Зависали в воздухе ленивыми роями, подсвечивая баню изнутри тусклым оранжевым светом.

Я сделал шаг. Под ногой скрипнул деревянный пол — тёплый, шершавый, давно впитавший в себя воду и пар.

И тут до меня дошло тепло. Настоящее, живое, разгоняющее кровь тепло.

Я стоял посреди предбанника, голый, дрожащий, сжимающий в руке этот дурацкий стальной шар, и просто наслаждался. Кожа покрылась мурашками, но теперь это были

приятные мурашки. Те, что бегут, когда отогреваешься после лютого холода.

Вдох. Выдох.

Пахло деревом, сухими травами и чем-то ещё — дымным, горьковатым. Запах оседал на языке, проникал в лёгкие, вытеснял оттуда холодный воздух ночного леса.

Я провёл ладонью по лицу.

Впервые за долгое время я ощутил себя живым. В груди не щемило. В голове не гудело. Тревожные мысли больше не одолевали. Все страхи, мысли и ожидания наихудшего растворились в небытии. Отсутствие перспектив на работе? К чёрту. Полное отсутствие личной жизни? К чёрту. Постепенно ухудшающееся здоровье? К чёрту. Бесящие соседи? К чёрту.

Всё это, как плохой сон, было смыто с моей жизни холодной водой Кощеева озера. Всё это больше не имело никакого значения для меня, и это было прекрасное ощущение.

Стоя в этой полутемной, пропахшей дымом бане, я впервые за долгое время больше не хотел умирать.

Я хотел отогреться.

Я толкнул следующую дверь — в парилку.

Жар ударил в лицо. Воздух здесь был плотным, влажным, обжигающим. Я невольно зажмурился, сделал шаг внутрь.

Печь-каменка занимала угол. Огромная груда тёмных, оплавленных булыжников, от которых исходило ровное, тяжёлое тепло. Рядом — деревянные лавки, широкие, отполи-

рованные до блеска. В углу — бочка с водой, из которой торчал край ковша. На полке, уходящем под самый потолок, лежал веник — берёзовый, сухой, но распаренный, судя по запаху.

Я шагнул к лавке, положил на неё свой стальной шар, и он откатился к стенке. Сел рядом и сделал глубокий вдох, выпуская внутрь себя тепло.

Тело плавилось.

Я чувствовал, как жар растекается по мышцам, проникает в кости, выгоняет оттуда озноб. Пальцы, ещё недавно сведённые холодом, начали понемногу сгибаться.

Я откинулся назад, упёрся ладонями в тёплую древесину и просто дышал.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

В голове проносились обрывки сегодняшнего дня. Крыша. Курьер. Посылка. Ванна. Вспышка. Озеро. Кукуня. Мрак. Волчий вой. Светящиеся иголки. Избушка на курьих ножках. Баба Яга, которая на самом деле Мара с её декольте. — Ну и пиздец, — выдохнул я в тишину.

Я сидел так минут пять, наверное. Может, десять. Время здесь текло иначе, тягучее, как смола.

И только когда тело окончательно согрелось, я почувствовал боль.

Сначала лёгкая, где-то на грани ощущений. Царапина на

плече. Ещё одна на предплечье. Глубокая ссадина на боку.

Я опустил взгляд и тут же охренел.

Я словно подрался со стаей диких кошек. На теле, наполненном разгорячённой кровью, обильно проступили красные следы. Руки, грудь, живот, ноги — всё было исчерчено тонкими красными линиями, где-то даже откровенно содранными, с кровяными вкраплениями.

Это всё ветки, колючки и сучки, о которые я цеплялся, пока ломился за Кукуней через лес. Замёрзший и на адреналине я даже не замечал эту боль. А теперь, в тепле, каждая царапина громко заявила о себе.

— Твою ж мать... — прошипел я, разглядывая багровые полосы.

Лес никого не щадит. Ладно. Надо мыться.

Я встал, прошёлся по парилке, привыкая к жару. Нашёл в углу тяжёлое деревянное ведёрко с короткой ручкой. Зачерпнул воды из бочки. Вода оказалась горячей — не кипяток, но близко к тому.

Я плеснул на каменку.

Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш!

Воздух взорвался паром. Горячим, обжигающим, проникающим в каждую пору. Я зажмурился, вдохнул полной грудью и понял, что это кайф.

На лавке нашёл местную мочалку — комок высушенного лыка. Рядом — кусок тёмного, почти чёрного мыла. Пахло от него дёгтем и золой.

Я плеснул ещё раз. Ещё. Пар становился гуще, плотнее, он обволакивал, выгонял из меня всю дрянь, что накопилась за этот безумный день.

Я взял мыло, потёр его в ладонях. Оно почти не мылилось, давало какую-то скользкую, серую взвесь. Пахло совсем не цветами.

Я начал тереть себя, сдирая с кожи грязь Кощеева озера, ил, тину. Вода стекала по телу грязными ручьями.

И вдруг — скрип.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель могло пролезть ведро.

— Ку-ку! — донеслось из-за двери, а затем довольное хихиканье.

Я даже обернуться не успел. Ведро стукнуло об пол, дверь захлопнулась, и я услышал удаляющиеся шаги и приглушённый смех Кукуни.

— Дура, — беззлобно выдохнул я, но улыбнулся.

Бесноватая, но в то же время забавная.

Я плеснул холодной воды на каменку. Пар стал ниже, мягче. Потом ещё раз — уже на себя, обжигая контрастом. Тело заорало, но это был хороший крик. Крик жизни.

Я осторожно тёр себя мочалкой, смывал мыло, снова плескал воду, пока кожа не стала чистой. Боялся ещё сильнее раздраконить собственные ссадины жёстким лыком и занести в кровь какую-нибудь заразу. Мало-помалу смог наконец смыть с себя всю черноту.

Уже собирался выйти в предбанник, как вдруг дверь снова открылась.

Но на этот раз — широко, без стука, без предупреждения.

В проёме стояла Мара.

Обнажённая.

Я замер.

Свет волшебных иголок рисовал на её теле причудливые узоры. Высокая грудь с тёмными сосками, перехваченная скрещёнными руками, плоский живот с очертаниями прессы, крутые бёдра, тёмный треугольник белых волос внизу.

— Охреть... — выдохнул я, не в силах сдержаться.

Сказать, что я был удивлён — ничего не сказать. У меня мозг заклинило. Секунду назад я тёр себя мочалкой и думал о том, как бы не окочуриться от заражения крови, а сейчас передо мной стояла голая богиня.

Мара медленно улыбнулась, хищно, с прищуром. Ей явно понравилась моя реакция. Именно её она и ожидала.

Она прошла внутрь, не спеша, покачивая бёдрами, и я понял, что стою столбом, раззявив рот, и смотрю на неё как баран на новые ворота. Но смотреть было на что. Тело у неё было — роскошное. Спортивное, подтянутое, но при этом женственное. Не качок, а воительница. Или охотница. Которая знает, что делать с добычей. Видимо, в тот вечер добычей был я.

В одной руке Мары был стеклянный пузырёк, наполненный тёмной жидкостью. Во второй ладони она держала лист

подорожника с горкой какой-то мази на нём.

Мара поднесла пузырёк к носу, принюхалась, довольно хмыкнула. Плеснула на камни.

Жидкость зашипела, и баню наполнил густой, терпкий запах трав. Мята? Чабрец? Что-то ещё, дурманящее, сладковатое, от чего у меня резко закружилась голова.

Давление подскочило мгновенно. Перед глазами всё поплыло, картинка раздвоилась, стены пошли ходуном. Я схватился за лавку, чтобы не рухнуть, и судорожно вдохнул.

— Что ты делаешь?! — прохрипел я.

— Лечу, — спокойно ответила Мара, ставя пузырёк на косяк входной двери. Она подошла ко мне почти вплотную. — Эти ссадины нужно обработать, — сказала она тоном, не терпящим возражений.

— Я сам... — начал было я, но даже договорить не успел.

Она толкнула меня в грудь, и я, не ожидавший такой силы от хрупкой вроде бы женщины, плюхнулся на лавку. Жёстко. Больно. Но в то же время возбуждённо.

Мара нависла надо мной, упёрлась коленом в лавку между моих ног и, не спрашивая больше, начала втирать мазь мне в грудь.

Мазь сначала обожгла холодом, а потом зацепала, словно в раны запустили сотню мелких иголок. Я дёрнулся, но она прижала меня свободной рукой к стене.

— Сиди, — приказала она. — Лес никого не щадит.

Я сидел.

Потому что бежать было некуда. Потому что было больно. И потому что я чувствовал тепло её тела. И на самом-то деле я и не хотел никуда бежать, мне было хорошо именно там.

Она стояла так близко, что её грудь почти касалась моего лица. Кожа блестела от пота. Я смотрел снизу вверх — на плавный изгиб шеи, на ключицы, на капельки пота, стекающие по животу и теряющиеся в светлом треугольнике волос. От неё пахло потом, травами и ещё чем-то — женским, глубоким, звериным.

Пальцы Мары двигались по моей груди. Сначала жёстко, деловито, втирая мазь в царапины. Потом медленнее. Потом — нежнее. Я ощутил, как кровь приливает к низу живота. Возбуждение было не удержать.

Она провела ладонью по моему плечу, спустилась ниже, к соску, чуть сжала. Продолжила скользить рукой дальше, по животу, нагибаясь ко мне.

Она улыбнулась, глядя прямо в глаза.

— Согрелся, Кощев? — спросила она шёпотом.

Глава 3. В которой я познал систему

Я хотел ответить что-то остроумное, типа «не то слово» или «ещё немного — и загорюсь», но вместо этого просто потянулся к ней губами.

Она не отстранилась.

Поцелуй вышел жадным, неловким, почти злым. Я впился в её губы, чувствуя, как внутри закипает что-то первобытное, животное. Мара ответила. Жёстко и властно, прикусила мою нижнюю губу, заставив зашипеть от боли и удовольствия.

Я обхватил её за талию, притянул к себе. Кожа к коже. Жар к жару.

Она задрала ногу, перешагнула через мои бёдра и села сверху, прижимаясь промежностью к моему члену, который уже давно стоял колом, готовый к бою.

Я не выдержал.

Я опустил голову и впился губами в её грудь. Взял сосок в рот, провёл языком, услышал, как она выдохнула сквозь зубы — коротко, остро. Пальцы сжали её ягодицы — упругие, горячие, влажные от пота.

Она откинула голову назад, подставляя шею. Я впился поцелуем в нежную кожу под челюстью, спустился ниже, к клю-

чицам, к яремой ямке.

Мара зарычала — низко, гортанно — и одним движением приподнялась надо мной.

Я увидел её лицо — затуманенное, с прикушенной губой. В свете волшебных иголок её глаза горели холодным синим огнём.

Она опустилась на меня, словно делала это тысячи раз, так ловко и умело.

Мир сжался до точки.

Баня исчезла. Иголки погасли. Стены растворились.

Остались только мы — я и она, две пары глаз в полумраке, два тела, сплетённых в одно, и ритм, который становился всё быстрее, быстрее...

— Да... — выдохнул я, впиваясь пальцами в её бёдра.

Она двигалась на мне, как волна — мощно, неудержимо, затапливая всё вокруг. Её пальцы впились в мои волосы на затылке.

В какой-то момент я перехватил инициативу. Уложил её на лавку, навис сверху, вошёл глубже, резче.

Она вскрикнула — не от боли, от удовольствия — и вцепилась ногтями мне в спину, прямо в свежие царапины.

Боль полоснула огнём, но я не остановился. Наоборот — ускорился, вбиваясь в неё, чувствуя, как внутри нарастает напряжение, как всё тело превращается в натянутую струну.

Её ноги обвилились вокруг моей талии, она изо всех сил прижималась ко мне. Стоны начали заполнять разгорячён-

ную баню.

Мара подо мной выгибалась, хватала ртом воздух, глаза закатились, обнажая белки. Она была прекрасна в этой животной, беззащитной страсти. На мгновение мне показалось, что я победил. Что я контролирую ситуацию.

Наивный.

В тот самый миг, когда я уже почти дошёл до пика, когда каждая мышца дрожала в предвкушении разрядки, Мара открыла глаза.

И я увидел в них бездну.

Холодную, древнюю, смеющуюся.

Она двинулась резко, неожиданно, с силой, которой я никак не мог ожидать от женщины, только что стонавшей подо мной. Её ноги обхватили мою талию, руки упёрлись мне в грудь, и вся комната перевернулась вместе со мной.

Я даже сообразить ничего не успел. Просто понял, что лежу спиной на деревянном полу, приложившись затылком так, что искры из глаз посыпались. А сверху на мне сидит Мара.

Нагибается, нависает, смотрит сверху вниз с той самой усмешкой — хищной, довольной, словно кошка, поигравшая с мышью и решившая, что игра только начинается.

— Думал, всё так просто, Кошечка? — выдохнула она мне в губы.

И сжала пальцы на моём горле.

Не сильно. Ровно настолько, чтобы я почувствовал — она

контролирует всё. Моё дыхание. Моё сердцебиение. Мою жизнь.

Я дёрнулся было, но она лишь крепче сжала бёдра, прижимая меня к полу, и я понял, что не могу пошевелиться. Не потому, что она сильная — хотя сильная, чертовски сильная, — а потому что не хочу.

Потому что это было охрененно.

Воздух с трудом проходил в лёгкие. В висках застучало. Перед глазами поплыли цветные круги вперемешку с роем светящихся иголок, заметавшихся по бане в безумном танце. А Мара смотрела на меня сверху и двигалась.

Медленно. Плавно. Невыносимо сладко.

Она отпустила моё горло, провела ногтями по груди, оставляя красные полосы рядом с моими царапинами, и откинулась назад, упершись ладонями мне в колени. Я видел всё — её разгорячённое тело, грудь, вздрагивающую в такт движениям, капельки пота, срывающиеся с сосков и падающие мне на живот, блеск глаз в оранжевом полумраке.

— Мара... — выдохнул я, не в силах сказать больше ни слова.

Она ускорилаь.

Я забыл, как дышать. Забыл, где я. Забыл, что ещё сегодня утром хотел спрыгнуть с крыши. Осталось только это — ритм, жар, её тело надо мной и древний, звериный инстинкт, который бил в голову тяжёлыми волнами.

Я потянулся к ней, обхватил ладонями её ягодицы — мок-

рые, скользкие, обжигающе горячие — и прижал к себе так сильно, что она вскрикнула и вцепилась ногтями мне в бёдра.

— Да... — выдохнула она. — Вот так... Князь...

Что? Князь?

Да в целом, какая, к чёрту, разница.

Я чувствовал, как напряжение внутри закручивается в тугую спираль. Ещё немного — и она разорвёт меня на части. Мара чувствовала то же самое — её дыхание сбилось, движения стали резче, беспорядочнее, она уже не контролировала себя, просто брала, брала, брала...

И в тот момент, когда мир должен был взорваться оргазмом, когда я уже готов был взорваться от переполнявшего меня кайфа, Мара резко выгнулась назад, схватила сферу, лежавшую на скамейке, и, вернувшись обратно, резко ударила меня ею по голове.

Всё исчезло.

Мара.

Баня.

Свет.

Звук.

Тишина.

Полная, абсолютная, давящая на уши тишина.

Я открыл глаза и понял, что в темноте. В темноте, что давит со всех сторон, проникает под кожу, заполняет лёгкие.

Я попытался пошевелиться — и не понял, пошевелился

ли. Здесь не было тела. Только сознание, распятое в пустоте.
— Ну здравствуй, Дмитрий.

Голос раздался отовсюду и ниоткуда. Глубокий, спокойный, с хрипотцой.

Я попытался повернуться на голос и вдруг понял, что вижу.

Впереди, в бесконечной дали, проявился силуэт. Мужчина. Сидит на троне, сотканном из самой тьмы. Лица не разобрать, только очертания, только горящие глаза, смотрящие прямо в душу.

Эта картина одновременно была вдалеке и вблизи, словно её и вовсе не было.

Словно моё сознание рисовало её прямо в голове.

— Долго же ты добирался до дома...

Воздуха не было, но я всё равно сглотнул.

— Ты кто?

Тишина.

А потом смех — низкий, раскатистый, от которого темнота вокруг завибрировала.

— Не узнал? Если кто-то спросит тебя «чей будешь?», что ты ответишь?

— Кощеев... — прошептал я, не задумываясь, ответ как будто сам напрашивался.

Силуэт наклонился вперёд, и я увидел лицо. Острое, сухое, с глубокими морщинами и глазами — двумя бездонными чёрными колодцами.

— Мой то бишь. Ведь я и есть Кощей. А ты теперь мой верный сын, мой князь, мой богатырь, ты будешь продолжением моей воли в мире Яви.

— Я ничего тебе не должен, — выдохнул я. — Я вообще не просился сюда. Я просто принимал ванну, блядь!

Кощей улыбнулся.

— Ты стоял на крыше и смотрел в лицо смерти. Ты хотел смерти. Потому что жизнь не ценил. Я дал тебе шанс. Провёл через воды Нави, привёл к моей жрице. Дал вкусить крупицу настоящей жизни... А теперь скажи мне, Дмитрий: ты всё ещё хочешь умереть? — Кощей с прищуром посмотрел на меня.

Я открыл рот и тут же закрыл.

Потому что внутри, где-то глубоко, пульсировало тепло. Её тепло. Тепло Мары. Тепло жизни, которое я чувствовал всего мгновение назад.

— Не хочешь, — ответил за меня Кощей. — Я вижу. Вижу тебя насквозь.

Он поднялся с трона — и темнота расступилась, явив мириады звёзд, которые я не узнавал. Чужие созвездия. Чужое небо.

— Наш мир, Дмитрий, захвачен чужаками... — Голос Кощей стал грустным. Проходя мимо незримой стены, он едва заметно коснулся её рукой, и вдоль вертикальной плоскости потекли волны черноты, которые, сливаясь и переливаясь, вырисовались в очертания континентов, островов, гор и мо-

рей, в огромную карту целого мира, карту, которую я видел впервые... — Эльфы, дворфы, орки — они пришли с запада, принесли своих богов, свои законы. Они поработили наших людей и установили своё иго. Наши земли гибнут, леса разоряются, а люди меркнут... — И я, царь Нави, не могу больше смотреть на это.

Он сделал шаг ко мне — и мгновенно оказался рядом. Так близко, что я почувствовал холод, исходящий от его тела. Холод смерти. Я увидел, что он облачён в тяжёлые доспехи, и они сотканы из миллионов маленьких косточек. А голову его венчает корона из тех же костей, костей животных, которых я никогда не видел.

— Я выбрал тебя. Ты станешь обладателем даров смерти. Первый дар — это истинное зрение, будешь видеть всё, что скрыто. Второй дар — распутство, будешь брать силу от женщин, что разделят с тобой ложе. Каждая даст тебе часть себя. Станет проводником жизни и вечной силы в твоё брненное тело. И чем сильнее будет связь, тем сильнее станешь ты.

Я смотрел в его глаза и понимал, что не могу отказаться. Не потому, что боюсь. Потому что внутри, там, где ещё недавно жила пустота, теперь горел огонь.

— А если я откажусь? — спросил я на всякий случай. Кощей усмехнулся.

— Вернёшься на крышу и закончишь начатое...

Передо мной вновь возник образ края парапета и густеющего асфальта девятью этажами ниже. Я сглотнул.

— А если соглашусь?

— Если согласишься... — Кощей положил руку мне на плечо, и холод пробил до самых костей, — ...то станешь моим князем. Будешь трахать жриц, резать эльфов и освобождать земли... как по мне, выбор очевиден... Ну так что, Дмитрий Кощеев? Хочешь жить по-настоящему?

Я вспомнил Мару. Её тело. Её губы. Её глаза, в которых плескалась та же бездна, что сейчас смотрела на меня.

Я вспомнил, как впивался пальцами в её бёдра. Как она двигалась на мне. Как мир схлопнулся до одной точки, в которой было только наслаждение.

И я понял, что ответ на этот вопрос мне уже давно был известен, просто требовалось время, чтобы понять, что я:

— Хочу.

Стоило мне только произнести это вслух, как тьма взорвалась светом.

Открыв глаза, я обнаружил себя лежащим на полу в бане.

Картинка плыла перед глазами. В ушах стоял звон такой, как будто кто-то надел мне на голову большую кастрюлю и жахнул по ней со всей дури половником.

Приподнявшись на локтях, я поморгал, пытаюсь свести двоящуюся картинку воедино. Сознание возвращалось очень быстро. Но перед глазами была какая-то странная рябь, что-то мутное мешало видеть чётко.

Краем глаза заметил движение и, повернув голову, увидел сидящую на скамейке Мару. Она вальяжно облокотилась на

стену, закинула одну ногу на другую, покачивая ступнёй.

— Какого хрена? — прохрипел я, потирая лоб в ожидании нащупать большую шишку, но к своему удивлению не нащупал даже места удара. Словно его и не было.

— Как тебе на той стороне? — спокойно спросила Мара, чуть наклоняясь вперёд. По её роскошному телу всё ещё стекали капельки пота, но в бане уже стало прохладнее, и на полу это ощущалось сильнее.

— Что ты со мной сделала? — Я протёр глаза в попытке снять странную пелену. — Это было видение или что?

— Я отправила тебя к Кощею, глупышка. — рассмеялась Мара. Но потом резко оборвала смех и напряжённо посмотрела на меня. — Или ты его не видел? Можем повторить. — В её руке блеснула стальная сфера.

Я вздрогнул и, протянув перед собой руку в останавливающем жесте, ответил:

— Нет! Нет! Не надо! Я... всё видел, и Кощея, и тьму, вот это вот всё... обойдёмся без повторений, ладно?

— Ну и славно. — Мара снова расслабленно откинулась назад. — Как всё прошло?

— Я... всё было очень быстро... — Я сел на полу и прилонился к лавке спиной. Ножка Мары тёрлась о моё плечо.

Воспоминания были похожи на какой-то полузабытый сон. Я никак не мог сконцентрироваться на тех образах, что только что видел.

— Старик должен был внятно всё объяснить. — раздра-

жённо выдохнула Мара.

— Он сказал... — Я напрягал последние живые извилины в своей голове. — Эльфы и орки? — удивлённо посмотрел на женщину. Перед глазами всё ещё бежала какая-то муть. — Да что с моими глазами?

— Ох. — Мара недовольно выдохнула и, спустившись на пол, села на корточки прямо напротив меня. Взяла голову обеими руками и внимательно посмотрела в мои глаза. — Что ты видишь?

Я поморгал. Я чётко видел лицо искуительницы. Румяное, блестящее от влаги. Её белые волосы небрежными прядями, спускающимися вдоль щеки. И что-то ещё было по-верх.

— Какие-то пятна... — неуверенно сказал я.

— Сконцентрируй взгляд на них. Попробуй... сфокусируйся.

Я, чуть помотав головой, попробовал свести глаза вместе, затем обратно и понял, что в какой-то момент я ловлю фокус на изображении, которое было прямо поверх моих глаз.

Прямо перед глазами я видел белёсые буквы, которые складывались в бегущую строку в нижней части обзора, а также видел текст, всплывающий вокруг лица Мары. Концентрируясь на словах, что плавали вокруг её головы, я чуть отдалился, чтобы было удобнее видеть их целиком.

///

Мара.

Жрица. Древняя.

Сила: 10

Проворство: 15

Жизнь: 30

Чутьё: 20

Дух: 136

Лояльность: 369

Даруемая сила: Истинное зрение

///

— Воу... — Я с глупым видом бегал глазами по тексту, он кружился вокруг ведьмы, или, вернее сказать, жрицы. Древней жрицы. Хотя назвать её древней было бы преступлением.

В этой женщине было столько сексуального, что даже сейчас, сидящий напротив неё и не понимающий, что происходит, я всё ещё был возбуждён.

— Увидел? — спросила она, поняв, что я начал бегать глазами.

— Да... это выглядит странно...

— Каждый это видит по-своему, силы Нави сплетаются с сознанием своего носителя. — Она поднялась на ноги, отпуская мою голову.

Надпись поплыла за ней следом. Я проводил её взглядом.

— Пошли, оденем тебя во что-нибудь. — Мара вышла в предбанник.

Я заметил, что стальную сферу она унесла с собой.

Я облегчённо выдохнул и, поднявшись на ноги, осмотрел

своё тело. Ссадин и царапин больше не было, как и следов той странной мази, которой меня активно намазывала жрица. Я тогда решил, что это какое-то лечебное снадобье или типа того.

Выйдя в предбанник, увидел, что Мара уже накинула на себя свою рубаху и пошла по тропинке обратно в дом.

Для меня там одежды, конечно же, не было.

Стоило только шагнуть на улицу, как меня обдало студёным воздухом. Кожа снова покрылась мурашками. Я недовольно сжал кулаки. Небо уже начало высветляться, скоро рассвет. Видимо, в своём путешествии к Кощею я провёл чуть больше, чем пару минут.

Босиком по замёрзшей тропинке — то ещё удовольствие. Я, пританцовывая на ходу и матерясь сквозь зубы, добежал до крыльца. Дверь в терем оказалась тяжёлой, тёплой. Дёрнул на себя — и внутрь.

Меня встретил полумрак и сильный запах сушёной травы. Пахло всем подряд и вперемешку: мятой, полынью, ещё чем-то терпким и смолистым. Всё это висело под потолком пучками, шевелилось от сквозняка, словно живое. Где-то в углу тихо потрескивала лучина. Тусклый свет выхватывал из темноты бревенчатые стены, широкие лавки, застеленные домоткаными половиками, огромный грубо сколоченный стол, довольно крепкий на вид.

И печь. Русская печь занимала едва ли не треть избы. Огромная, белёная, с лежанкой наверху, от которой так и тя-

нуло теплом. Внизу, в устье, уютно светились угли, и над ними в чугушке что-то булькало.

В другом углу к стене была приставлена лестница, ведущая к люку в потолке, видимо, на чердак? Изба внутри казалась больше, чем снаружи, в лучших традициях сказочных домов. Вероятно, и на чердаке будет полноценный второй этаж и три жилых комнаты, или все десять — это же волшебный мир.

— Охреть... — выдохнул я, прикрывая за собой дверь.
— Не избушка, а хоромы.

Я, топя замёрзшими ногами, подскочил к печи и прижался к ней спиной. Тепло разливалось по телу волнами, выгоняя холод.

Осмотрелся.

В углу, на лавке, кучей было свалено какое-то тряпье — наверное, спальные места. Над столом висела полка с глиняной посудой. Под потолком, рядом с травами, болтались связки сушёных грибов и ягод. Всё просто, грубо, но чувствовалось, что тут живут. По-настоящему живут, вполне себе обычные люди, ну или почти обычные.

Странно, нигде не было видно Мары.

Из-за печи слышалось шуршание, и я вздрогнул.

Из-за угла высунулась взлохмаченная голова Кукуни. Глаза сонные, но любопытные.

Увидела меня, голого и прижимающегося к печи, и довольно улыбнулась.

— Ку-ку! — пропела она, вылезая полностью. На ней была та же длинная рубаха, только теперь мятая и сбившаяся набок. — Отогрелся, Кощеев?

Глава 4. В которой я начал понимать суть дела

Я непроизвольно дёрнулся, прикрывая руками хозяйство. После бани, после всего, что было с Марой, организм всё ещё находился в состоянии боевой готовности, и скрывать это становилось всё сложнее. И как-то неловко, особенно перед дочкой жрицы.

— Кукуня, — прохрипел я, стараясь говорить максимально ровно. — Будь человеком. Дай мне что-нибудь надеть. Пожалуйста. Это уже не смешно.

Она наклонила голову, разглядывая мои потуги сохранить достоинство, и захихикала.

— А чего ты стесняешься? Думаешь, я там чего не видела? — Она ехидно улыбнулась.

— Прошу, — прохрипел я. — Умоляю. Одежду. Ну хотя бы штаны.

Кукуня задумчиво почесала нос, потом махнула рукой в сторону.

— Там погреб. Маменька там всё хранит. И одежду тоже. Ступай, выбирай. Там много всего.

Повернув голову в указанном направлении, я нахмурился. Погреб? Под избушкой на курьих ножках? Логика, конечно, та ещё, но в этом мире я уже перестал чему-либо удивляться.

Около кухни из-под коврика действительно виднелся край люка в полу.

— У вас там прям реальный погреб или это просто ещё один выход наружу? — спросил я, делая шаг к люку.

— Ой, какой недоверчивый, — озорно сверкнула глазами Кукуня. — Может, для тебя ещё самой в погреб слазить да тряпьё пособирать?

— Сам справлюсь, — буркнул я, подцепил пальцами кольцо в полу и потянул вверх.

Тяжёлая доска поддалась не сразу. Снизу пахло сыростью и прохладой. Странно. Я ожидал увидеть землю, как в нормальном погребе деревенской избы, хотя, казалось бы, с чего? Но там, внизу, в свете проникающего из избы тусклого огня, угадывалось помещение с дощатым полом.

— Осторожнее там, — крикнула вдогонку Кукуня, но в голосе слышалась усмешка. — Не заблудись!

Я спустился по крутой лестнице. И пока спускался, с каждым шагом внизу становилось всё светлее, как будто кто-то зажигал лучины одну за одной.

Ступив на шершавый пол, я поднял глаза и обомлел.

Погреб оказался огромным. Намного больше, чем сама изба сверху. Высокий потолок, крепкие стены из тёсаных брёвен, и вдоль стен — сундуки. Много сундуков. Дубовые, кованые, с резными крышками. Их были десятки. А над ними прямо из стен торчали маленькие лучинки, которые при ближайшем рассмотрении оказались такими же волшебны-

ми, как и парящие иголки на улице: они светились не от огня, а сами по себе.

Я подошёл к ближайшему сундуку, откинул крышку. Внутри, аккуратно сложенные, лежали мужские рубахи. Холщовые, льняные, даже одна шёлковая, с вышивкой. Дальше — штаны. Порты, шаровары, что-то напоминающее средневековые джинсы из грубой ткани.

— Ни хрена себе гардероб, — присвистнул я.

Открыл следующий сундук. Там — сапоги, кожаные, мягкие, на любой размер. Я примерил взглядом пару — мне как раз должны подойти. Рядом обнаружились портянки, тряпичные онучи и даже что-то похожее на носки, только связанные из грубой шерсти. Всё пахло деревом и сухими травами — никакой затхлости, хотя вещи явно лежали здесь долго. Дальше лежали плащи, зипуны, даже какой-то стёганный доспех.

Но самое странное ждало меня в углу. На массивной деревянной стойке, похожей на вешалку для оружия, висел костюм. Ближе всего, на что он был похож, — это камуфляжный плащ, который носят снайперы, прячущиеся где-нибудь в тайге. Но при ближайшем рассмотрении я понял, что он соткан из кучи травяных пучков, веток, нанизанных на кожаный плащ с костяными пуговицами.

— Мара что, подрабатывает снайпером в местном ОПГ? — пробормотал я, трогая плотную ткань.

Я присмотрелся внимательнее. Плащ был сшит искусно

— капюшон с завязками, прорези для рук, даже петли для крепления дополнительных пучков травы. Создавалось впечатление, что его владелец мог раствориться в лесу так, что мимо пройдёшь и не заметишь. Для кого нужна такая маскировка в этом мире? Охотник? Разведчик? Или тот, кому приходится прятаться от чужих глаз? А может, прятаться нужно совсем не от людей?

— Нравится? — раздалось за спиной.

Я вздрогнул и резко обернулся.

Кукуня стояла на нижней ступеньке, сложив руки на груди, и с интересом наблюдала за мной. В полумраке погребца её глаза светились тем же синим огнём, что у Мары.

— Ты чего подкрадываешься? — выдохнул я, рефлекторно прикрываясь. Снова прикрываясь! Надоело уже.

— Не подкрадываюсь, а спускаюсь, — беззаботно отозвалась она, спрыгивая на пол и направляясь ко мне. — Маленька велела присмотреть, чтоб ты ничего не стащил.

— Я не вор, — огрызнулся я, отступая от стойки с камуфляжем. — Просто интересно тут у вас с маманей.

Кукуня быстро подошла ко мне. Остановилась в полушаге, обвела взглядом моё тело снизу вверх. Я чувствовал себя экспонатом в музее — так тщательно они с мамашкой меня рассматривали. В этом не было какого-то эротизма, они как будто проявляли какой-то учёный интерес, что ли.

— Ну как, Кукущеев, понравилось с маманей? — спросила она, и в голосе зазвенела ревнивая нотка.

Я поперхнулся воздухом.

— Что? С чего ты взяла?

— А то не видно, — фыркнула Кукуня, но взгляд не отвела. — Ты от неё весь светишься. И в бане вы... в общем... слышала я.

Она сделала ещё полшага, и мне пришлось упереться спиной в стойку.

— Я, между прочим, тоже жрица, — продолжила Кукуня, поправляя свою бесформенную рубаху и отчего-то выпячивая небольшую грудь. — Может, не такая старая и опытная, как маменька, но тоже, знаешь ли, ничего!

Она чуть отступила, покрутилась на месте, демонстрируя себя. Движения были неуклюжими, по-детски наивными, но от этого ещё более забавными и... трогательными.

— И что значит быть жрицей? — спросил я, пытаясь перевести тему с этого сексуального подтекста в какое-то другое, менее волнующее русло.

— А то и значит, — она задрала нос. — Я тоже силой обладаю. И вижу то, что другие не видят. Ну, почти вижу. Маменька говорит, у меня способности есть, только развивать надо. — Она поморщилась. — А развивать — это учиться, травы там зубрить, обряды запоминать. Скукотища!

Она закатила глаза, и я невольно улыбнулся. Вроде бы уже взрослая девчонка, а всё ещё ветер в голове, как у типичного подростка, даже в этом мире. Хотя возможно, что изоляция от остальных и жизнь в лесу не способствуют быстрому

взрослению... хотя нет, наоборот, должна была раньше повзрослеть.

— А чего ты хотела? Знания и навыки просто так не даются. Всему учиться надо, грызть, так сказать, гранит науки.

— Знаю, — буркнула Кукуня. — Но маменька могла бы и поинтереснее рассказывать. А то всё «сделай то», «выучи это». Я же не для того рождалась, чтоб за травами в лес бегать.

— А для чего рождалась?

Она задумалась, потом пожала плечами:

— Ну... для приключений! Чтобы интересно жить, как в сказках! Как ты! Как маменька!.. Как ты с маменькой!

— Кукуня, — я поднял руки в примирительном жесте. — Я вообще не планировал... ну, ничего такого. Я просто... свалился в озеро, понимаешь? Я вообще... там всё само случилось... я тут как бы...

— Понимаю, — она кокетливо стрельнула глазками. — Ты ведь, получается, князь из Нави, и дар у тебя особый, поди, есть?

Я замер. Дар у меня действительно был. Истинное зрение.

Посмотрел на Кукуню внимательнее. Вспомнил, как Мара учила концентрировать взгляд. Попробовал — увидел, что вокруг Кукуни в воздухе залетали надписи.

///

Кукуня

Жрица. Юная

Сила: 3

Проворство: 6

Жизнь: 7

Чутьё: 8

Дух: 10

Лояльность: 1

///

Я моргнул, думая, что показалось. Лояльность — единица? Серьёзно? Это при единице девушки такой бурный интерес проявляют к голым мужчинам?

— Чего вылупился? — Кукуня наклонила голову, разглядывая моё ошарашенное лицо. — Видишь чего? — Она осмотрелась по сторонам в поисках того, на что я смотрел.

— Вижу, — медленно ответил я. — Твои... характеристики. У тебя лояльность ко мне всего единица.

— А это много или мало? — она, кажется, искренне не понимала.

— У твоей матери — триста шестьдесят девять, — выдохнул я.

Кукуня нахмурилась, потом надула губки.

— Ну и что? Маменька древняя, у неё сил много. А я... я молодая...

Я не сдержал усмешки. В её устах это звучало настолько по-детски, что напряжение спало.

— Кукуня, послушай. Я правда ничего не планировал с твоей мамой. — Этот разговор меня слегка смутил. — Слу-

шай, я вообще из другого мира, свалился как снег на голову и просто пытаюсь выжить. А тут вы с матерью, дар этот, эльфы какие-то... Я пока в шоке, если честно.

Она задумчиво почесала нос.

— А я думала, ты специально к нам... ну, по Кощееву наказу.

— Ну по какому наказу? — я горько усмехнулся. — У меня даже штанов своих нет.

И тут сверху раздались шаги. Лёгкие, уверенные. По лестнице спускалась Мара.

Она уже накинула свою льняную рубаху, а поверх ещё и чёрно-серое платье, видимо, чтобы больше меня не возбуждать. Её волосы были распущены и падали на плечи белым водопадом.

— Уже познакомились поближе? — её голос звучал ровно, но в глазах плясали чёртики.

Кукуня отступила на шаг, гордо вздёрнув подбородок.

— Я просто показываю гостю, где что лежит, — заявила она.

Мара окинула нас обоим долгим взглядом, задержалась на моём всё ещё голом теле. Я уже и перестал стесняться — бесполезно. Она хитро улынулась.

— Что, Кукуня, тоже хочешь князю силушку передать? — спросила она насмешливо. — погоди, всему своё время. Пусть сперва с даром разберётся.

Кукуня вспыхнула, открыла рот, чтобы возразить, но Ма-

ра продолжила уже строже:

— Шла бы лучше матери помогла да не смущала гостя. Хворост во дворе не собран, вода не принесена. Иди! Займись делом!

Девчонка надула щёки, топнула ногой, но спорить не решилась. Бросив на меня обиженный взгляд, она взлетела по лестнице, и вскоре сверху хлопнула дверь.

— Избаловала я её, двадцать лет, а ума как не было, так и нет... — вздохнула Мара, но в голосе слышалась нежность. — Одевайся давай.

Я кивнул и наконец занялся делом. Откопал в сундуке штаны по размеру — широкие, холщовые, с завязками вместо пуговиц. Натянул. Ощущение — будто в пижаму облачился, но мягко и тепло. Рубаха нашлась там же — длинная, почти до колен, с вышивкой по вороту.

— Чистое всё, — заметил я, завязывая шнурки. — Только откуда у вас столько мужской одежды? Вы ж вроде вдвоём живёте.

Мара промолчала, только повела бровью. Я хотел было надавить, но она буквально ушла от ответа, поднявшись по лестнице обратно в избу.

Пока возился с одеждой, заметил в другом углу большое зеркало в тяжёлой деревянной раме. Подошёл, глянул на себя.

Из зеркала смотрел мужик лет тридцати, лохматый, с красными от недосыпа и переживаний глазами. Это был я,

тот же самый мужик, что залез в ванную со странной бомбочкой. Меня перенесло в этот мир со всеми потрохами. Но что-то изменилось.

Вокруг головы, стоило сфокусироваться, заплясали строчки с текстом.

///

Дмитрий Кощеев

Сила: 3

Проворство: 5

Жизнь: 6

Чутьё: 4

Дух: 3

Способности:

Распутство (постоянный)

Истинное зрение (активен на неограниченный срок)

Навыки:

-

///

— Охренеть, — выдохнул я, разглядывая собственные параметры. Жалкие цифры, конечно, по сравнению с Марой, да и если с Кукуней сравнивать, тоже. У нас с этой девчушкой одинаковый показатель силы? Серьёзно?

Впрочем, я вспомнил, как она сильно тянула меня за собой через лес, и удручённо вздохнул. Офисная работа не делает людей лучше, конечно.

А ещё навыков нет. Просто отлично. Мой диплом маги-

стра экономики, видимо, в этом мире не котируется, надо будет, наверное, где-то его подтверждать или типа того? Знания экселевских таблиц и умение составлять договоры, видимо, тоже лесом... вернее, мимо леса... в общем, бесполезны.

Если следовать указаниям Кощея, нужно будет эти навыки как-то поднимать, что ли... интересно, как они в этом мире качаются. Если я отжиматься каждый день начну, сила поднимется?

Пригладив волосы, поднялся наверх. В избе уже стало светлее — рассвет пробивался сквозь высокие окна. Мара жестом указала на лавку у стола, сама села напротив. На столе стояли две кружки, от которых поднимался ароматный пар.

Я с наслаждением отхлебнул. Травяной чай, горячий, чуть терпкий. Тело расслабилось.

— Ну рассказывай, — велела Мара. — Что говорил Костик?

Я поперхнулся.

— Костик? — переспросил я, вытирая подбородок. — Ты Кощея Бессмертного так называешь?

— А что, — она усмехнулась. — Мы знакомы давно. Между нами всякое бывало. Ты давай не отвлекайся.

Я пересказал свой разговор в темноте. Про трон, про дары, про эльфов и орков, про то, что я должен стать князем и освобождать земли.

Мара слушала внимательно, кивая. Когда я закончил, она отпила из кружки и, усмехнувшись, сказала:

— С дарами он тебя, конечно, обманул, старый развратник.

— В каком смысле?

— Истинное зрение — это не его дар. Это мой дар тебе. — Видя немой вопрос в моих глазах, она пояснила: — Кощей дал тебе только один дар — распутства. Ну, что у него самого было, то тебе и дал, а строит из себя, конечно. — Она вздохнула. — В общем... Распутник — это способность принимать силу от женщин, что разделят с тобой ложе. А видеть истинную суть вещей — это я тебе открыла, когда мы... возлежали.

Я почувствовал, как краснею. Мара заметила и усмехнулась.

— Не смущайся. Это естественно. И полезно. Теперь объясню, как это работает. Чем сильнее будет твоя связь с женщиной, тем сильнее станет дар, который ты от неё получишь.

— А если связь прервётся? — спросил я. — Если женщина, с которой я... ну, связан, погибнет или просто уйдёт от меня?

Мара помрачнела.

— Тогда и дар ослабнет. Может исчезнуть совсем, если связь была неглубокой. Если же связь крепкая, часть силы останется с тобой надолго. — Она посмотрела на меня внимательно. — Поэтому князя Нави всегда берегли своих

женщин. Не только из-за чувств, но и из-за даров.

— То есть я теперь должен каждую свою... кхм... женщину охранять как зеницу ока? — спросил я, будто у меня этих женщины очереди стояли за забором.

— Если хочешь сохранить силу — да, — кивнула Мара. — От меня ты получил истинное зрение. Связь между нами очень крепка, поэтому дар будет действовать долго, возможно, до самой твоей смерти. Но не переживай. Пока я рядом, твой дар зрения не пропадёт. Я живучая.

Я закашлялся, отпивая чай.

— Надеюсь, не скорой моей смерти? — спросил, утирая подбородок. — А если я с другой... свяжусь?

— Получишь другой дар. Зависит от женщины и от глубины связи. — Мара откинулась на лавке. — Если связь будет слабой, то и дар ты получишь ненадолго. Дни, часы.

— Нет, я в том плане... если я... так сказать, свяжусь с другой женщиной сразу после другой, то...

Дверь в избу открылась. Кукуня, недовольно пыхтя, принесла охапку каких-то сухих палок и веток. Она демонстративно бросила хворост у печки так, что несколько веток отлетели в сторону. Потом выпрямилась, отряхнула руки и посмотрела на нас с матерью исподлобья. Было в этом взгляде что-то одновременно обиженное и любопытное — словно кошка, которую выгнали из комнаты, но она всё равно хочет знать, что там происходит без неё.

— Один дар другому не помеха, если ты об этом. — Улыб-

нулась Мара.

— Я буду просто получать волшебные силы, которыми сами женщины обладают? — Я украдкой посмотрел на Кукуню.

— Не совсем. — Мара снова подалась вперёд, говоря чуть тише. — Ты должен понять: в каждой женщине есть своя загадка, и каждая по-своему является проводником силы. Она сама может этой силой не владеть, но ты через неё сможешь обрести дар, который ей дарован матерью-природой.

— А ты, — я посмотрел на Мару, — ты, получается, владеешь даром истинного зрения и видишь мир через эту странную... В том смысле... У тебя тоже цифры над головами людей плавают? Ты именно так поняла, кто я такой и как... со мной нужно поступать?

Она рассмеялась. Смех у неё был низкий, грудной.

— Глупый. Каждому Навь показывает мир по-своему. Я вижу нити судьбы. Они вплетены в каждое живое существо, в каждый предмет. Натянуты между Явью и Навью, а иногда и Правью. По ним я читаю суть. А ты, видать, совсем на цифрах сдвинулся головой, оттого и в цифрах своих видишь мир.

— Ну, как по мне, так удобно, — пожал я плечами. — Понятнее, чем нити.

— Каждому своё, — кивнула Мара.

Я посмотрел в глаза жрицы, она не отводила взгляд. Видимо, рассматривала нити моей судьбы или, может, просто

любовалась. Чёрт знает, какие у неё отношения с мужиками, может быть, они тут редкие гости, а может... И тут я, призадумавшись, с прищуром посмотрел на Мару.

— Откуда там в подвале столько мужского барахла? Опустим тот факт, что в этом доме есть подвал. Но вещи...

Кукуня неожиданно под села к нам за стол.

— Мам! А можно я расскажу? — затараторила она. — К нам сюда...

Глава 5. В которой Мара показала свой нрав

— Цыц! — Мара даже не повысила голос, но Кукуня мгновенно заткнулась и обиженно надулась. — Хвороста мало. Сходи ещё принеси.

— Но я только...

— Я сказала ещё. — В её голосе было столько давящей строгости, что мне стало не по себе.

Кукуня недовольно вскочила на ноги, зло посмотрела на мать и выскочила за дверь, громко хлопнув ею.

Я вопросительно посмотрел на Мару. Она отхлебнула чай и спокойно сказала:

— В каждой женщине должна оставаться загадка. Хотя бы одна. Эту я тебе пока не открою.

Я хмыкнул.

— Надеюсь, загадка не в том, что ты на самом деле мужик?

Мара расхохоталась. Громко, искренне, даже по столу ладонью хлопнула.

— Ох, Дмитрий, рассмешил! — утирая слезу, проговорила она. — Не бойся, мужиков в нашей семье не было. Успокойся.

Я выдохнул. Ну и мысли в голову лезут.

— Ладно, — я постарался сменить тему. — Тогда про другое. Эльфы, орки. Что это за хрень происходит в этом мире? Кощей сказал, они пришли с запада, поработили людей. И... что всё это значит?

Мара вздохнула, посерьёзнела.

— В целом всё так, как Костик и сказал... — Она отставила кружку. — Мы веками жили на земле наших предков, пахали её, ухаживали, жили в балансе с природой и всеми тварями, обитающими здесь, в мире Яви. Но однажды в западный предел приплыли... — Она прикусила губу, задумчиво подбирая слова. — Захватчики, узурпаторы, ироды... называй как хочешь. Они были очень похожи на нас, но их души были черны и полны алчности и лжи. Они не были способны жить в гармонии с миром: они начали осваивать земли, вырубать леса, прорубать горы, осушать реки. Животные начали вымирать, земли чернеть... — Она, чуть погрустнев, посмотрела в окно. — Пока всё это происходило там, — Мара махнула рукой, — за морским поясом, никого это не пугало...

— Морским поясом? — переспросил я.

Мара удивлённо посмотрела на меня, а потом, словно вспомнив, что я совсем не отсюда, кивнула.

— Это узкое море, которое разделяет западные и восточные земли, их и нас когда-то. В общем, захватчики переплыли это узкое море, и мы столкнулись с ними лицом к лицу. Они все были разные. Кто-то был высок и остроух, кто-то

короток и коренаст, а кто-то здоров под три метра ростом.

— Эльфы, гномы и орки? — предположил я.

— Да. Они называют себя именно так. Они разные, но суть у них одна. Мужиков забирают в рабство, женщин пользуют. Мы для них просто материал. Они говорят, что мы занимаем их жизненное пространство.

— Вот же ж суки... — тихонько прошептал я, сжав кулак.

— Так оно и есть.

— Так надо просто собраться всем вместе и дать им отпор! Чтобы шли на хрен! Обратно за своё узкое море.

Мара посмотрела на меня со снисходительной улыбкой.

— Всех, кто не подчинялся их воле, они истребляли, а всех, кто подчинялся, пользовали как могли. Силы Нави встали на защиту рода людского, но магия захватчиков оказалась сильнее, и вскоре всех нас вытеснили на задворки мира, сюда, под самый морозный пояс.

— Подожди. Силы Нави? Ты имеешь в виду... — Я вопросительно посмотрел на Мару.

— Кощей, — утвердительно ответила Мара. — Он поднял войско мертвецов: призраки, скелеты, упыри, утопцы, лихо... все, кто подчинялся князю тьмы, встали бок о бок с родом людским на битву в Межгорье. Но силы были не равны: с гор на нас спустились великаны, а из-под земли полезли чёрные. Войско было разбито. Кощей был повержен, а с ним пала вся нежить, остальные разбежались, кто успел...

— Так, я что-то не понял. А как так вышло, что Кощей

стал спасителем мира? Он же вроде... злодей?

— Поначалу мир Яви защищали посланники богов, Перуна и Велеса, и поначалу они даже давали достойный отпор, собирали под свои знамёна князей и крестьян, но захватчики принесли с собой свою веру в... — Она закатила глаза. — ...в Нульсущего.

— Чего? — Я удивлённо поднял брови. — Что ещё за «Нуль-ссущий»?

Мара усмехнулась.

— Они нелюди и живут по нелюдским законам. Говорят на своём тарабарском языке. Отвергают всё человеческое: пол, род, даже жизнь. Они верят в некоего Нульсущего бога, который просто существо, без пола, без рода, без сути, без прошлого и будущего. Говорят, что ноль — это свобода от всех оков, и называют собственные жизни лишь временными оболочками, ограничивающими их нульсущное сознание.

— А что же тогда они все просто не высвободят свои сущности из бранных тел? — поинтересовался я.

— Они верят, что мир нужно привести в порядок, а для этого нужно избавиться его от бинарности.

Я чуть не поперхнулся чаем.

— Чего? И тут какая-то бинарность? Да что с этой вселенной творится?

— Да, мужское-женское, доброе-злое, честное-лживое. Они всё хотят делить на ноль.

— Ладно. — Я поднял руку в останавливающем жесте.

— Я не очень хочу углубляться во всю эту религиозную галиматью. Нульсущий... бинарность, бред какой-то... давай вернёмся к той части истории, где нормальные славянские боги проебались.

Мара неодобрительно посмотрела на меня. Возможно, она и сама относилась к числу тех богов, о коих я так неодобрительно высказался, но всё же продолжила.

— Они разрушали рощи, сносили тотемы. Выжигали жрецов и жриц, отрезали им детородные органы в назидание остальным.

— Ну и мерзость...

— Сила богов в тех, кто в них верит, Дима. Если никто не приносит жертвы, никто не прославляет их имена, сила их гаснет под гнётом Яви. Врата Нави и Прави отодвигаются всё дальше, пока не становятся так далеко, что за них нет больше прохода. В какой-то момент все посланники богов утратили силы, став обычными людьми.

— И тогда последним богатырём остался Кощей Бессмертный?

— Верно. Он сам был полубогом, ему не нужна была вера в него самого. Но, как я уже сказала, в бою пал и он.

— Но он же бессмертный...

— Смерть не может забрать его полностью, но эльфы придумали для него вечную тюрьму. Они набили его тело смертькамнями и закопали живьём.

— Стоп, что? — У меня немного отвисла челюсть. — Что

за смертькамни?

— Это такие камни, которые убивают всё живое вокруг себя.

У меня в голове сразу щёлкнул какой-то выключатель: я предположил, что речь идёт о какой-нибудь сильно радиоактивной штуке.

— И где же он закопан?

— Под Кощеевым озером.

— Чего?! — У меня глаза опять на лоб полезли. Если там на дне озера лежит мужик, нашпигованный какими-нибудь урановыми стержнями, то всё озеро отравлено, и я тогда тоже.

— Не переживай, то было очень давно. И вся зловещая сила смертькамней уходит на то, чтобы удержать старика в безвольном состоянии. Тебе нечего бояться.

— Но если он просто лежит там на дне, то почему его не поднять и пускай он снова своё войско мертвецов поднимет? — предложил я.

— Многие пытались. Но то озеро глубины немислимой. Вода оттуда никогда не замерзает, поднимаясь с самых больших глубин, наполняет его и утекает в океан. Все, кто хотел достать его, так и остались мёртвыми лежать на дне озера.

— Так... а как он... со мной разговаривал, это какая-то магия?

Мара кинула быстрый взгляд в сторону двери.

— Кукуня! Ты давно там стоишь?

Я обернулся.

Дверь со скрипом приоткрылась. Кукуня всё это время, видимо, тихонько стояла, прислушиваясь к тому, о чём мы с Марой тут разговаривали.

— Ну, ма-ам! Я же просто...

— Хворост не принесла, — строго заметила Мара. — Я что тебе сказала?

— Да ладно, может... — начал было я. Но Мара в этот момент посмотрела на меня с таким холодным взглядом, что я ощутил, как у меня по спине прошлась холодная длань Кошцея. Возможно, какую-то свою магию применила. Я замолчал и отпил ещё немного чая... которого уже не было в кружке.

Мара медленно повернулась к дочке.

— Ступай.

Кукуня, насупившись, зашагала по ступеням. Дверь осталась открытой, и Мара выждала, пока дочка уйдёт подальше. Она вытягивала шею, пытаясь высмотреть Кукуню в окно.

— Почему ты её выпроваживаешь? — спросил я наконец. — Она же твоя дочь? Разве она не должна все эти истории слышать тысячи раз?

— Это для твоего же блага. Ей не всё надобно знать, а то мало ли чего ещё удумает.

— А что такого она может удумать? — усмехнулся я.

Мара посмотрела на меня почти так же строго, как в прошлый раз. Затем достала сферу из кармана своего платья и

положила на стол. Моё лицо отражалось в отполированном металле. Кажется, жрица его отмыла.

— Знаешь, что это такое? — спросила она.

Я отрицательно покачал головой.

— Яйцом? — предположил я, вспомнив слова Кукуни.

— Чего?

— Яйцо, внутри него игла, сломаешь её — и Кощей умрёт.

Мара недоумённо посмотрела на меня, затем на сферу. Для неё сказанное мной явно было чем-то диковинным.

— Это ты каких-то сказок наслушался, Дима. Кощей Бессмертный потому и бессмертный, что умереть не может. Нет способа его убить, и никогда не было. Он вечен, как сам этот мир, он всегда был и всегда будет. Он появился в мире раньше всех и не уйдёт никогда, покуда мир существует.

— Ну допустим... — пожал плечами я. Если в этом мире была своя мифология, это означало, что возможно в нём чуть больше сюрпризов, но не более того. Лезть в чужой мир со своим мировоззрением себе дороже.

Мара посмотрела на меня, прищурившись.

— Присмотрись... посмотри своим особым зрением.

Я прищурился. Вблизи сферы начали вырисовываться мутные буквы, я сфокусировал взгляд и прочитал вслух:

— «Око Кощея»? — Вопросительно посмотрел на Мару.

— Око Кощея, Дима. Тот, кто с ним приходит, — это тот, на кого пал перст Кощея. Этот артефакт служит для связи с князем тьмы. Когда ты окажешься на грани между жизнью

и смертью, он сможет явиться вновь, чтобы дать тебе совет или помощь.

— Между жизнью и смертью? — Я озадаченно почесал затылок. А затем меня начали посещать дурные мысли, которые я незамедлительно озвучил. — А там... в бане, когда ты жახнула меня этой штукой по голове... — Я прикоснулся ко лбу: никаких вмятин там не ощущалось, да и в зеркале я ничего такого не помнил.

— Я убила тебя, — буднично сказала Мара.

— Что!?! — Я вскочил, вытаращив глаза.

— Спокойно, богатырь. — Мара, улыбнувшись, выставила руки в примирительном жесте. — Я же всё же жрица смерти. И я не дала тебе перешагнуть через грань...

— Так. Я что-то не пойму... а встреча с Кощеем вообще была? Или это мне привиделось? Ты там какую-то бадягу на камни плеснула, может, это наркота какая-то местная? Отвар мухомора с какой-нибудь беленой?

— Нет, — спокойно ответила Мара. — Ты действительно виделся с Кошеем. А я действительно вернула тебя с того света.

— Но как... — уже начал было я спрашивать, но тут картинка в голове начала складываться. — ...мазь? Ты чем-то намазала мне грудь, и царапины... — Я подозрительно посмотрел на Мару. — ...зажили...

— А ты сообразительней, чем кажешься. — Она снова загадочно улынулась.

— Так это же универсальная спасательная мазь? Она и от смерти лечит?

— Лечит.

— Так, а много у тебя такой штуки? Я думаю, мне в моей миссии оно пригодится.

— Всё потратила на то, чтобы тебя на грани держать, — пожалала плечами Мара.

— Мать, ну ты это... ещё готовь, штука-то полезная.

— Я тебе не мать, — усмехнулась Мара. — Особенно после того, что в бане было.

— Ну я это так... для красного словца, — махнул я рукой. — Эта штука реально полезная, её нужно иметь про запас.

— Тебе не об этом думать надо. — Мара вальяжно пересекла комнату и подошла к двери, ведущей на улицу.

— А о чём? — поинтересовался я.

Она толкнула дверь, и с улицы послышался голос Кукуни: — Ой!

Затем скрип и звук удара о землю.

— Не ударилась, доченька? — с наигранной заботой спросила Мара.

— Я в порядке! — донеслось из-под лестницы.

— Подслушивала, чертовка, — вздохнула жрица.

— Я не подслушивала! — снова донеслось с улицы.

— А ну-ка иди сюда! — громко скомандовала Мара, обращаясь к дочери.

От её командного голоса мне было как-то не по себе. Каж-

дый раз я как будто сам ощущал себя нашкодившим ребёнком, которого родители застали прямо в разгар чего-то, из-за чего сейчас последуют воспитательные меры в виде ударов ремнём.

Кукуня неторопливо поднялась по скрипучей лестнице и вошла в избу, виновато опуская взгляд и сцепив пальцы за спиной.

— Я что тебе сказала сделать? — строго спросила Мара.

Кукуня не отвечала, она лишь переминалась с ноги на ногу, пытаясь отступить назад, но сзади неё была стена.

— Отвечай матери! — повысив голос, сказала Мара, и Кукуня вздрогнула.

Неожиданный агрессивный напор жрицы очень сильно контрастировал с нашим разговором, который был до этого. От происходящего мне становилось не по себе, и сердце начинало тревожно набирать темп.

— Хв... — дрожащим голосом начала было говорить Кукуня.

Но Мара не дала ей закончить и начала пуще прежнего кричать на дочь, из-за чего и я сам вздрогнул.

— Хворост! Я велела ещё хвороста принести! А ты!? Стояла и подслушивала! Непослушная девка... — Мара замахнулась, чтобы дать пощёчину Кукуне.

Я отреагировал рефлексивно. Резко вклинившись между ними, я оттеснил Мару, хватая её за руку.

— Хватит! — крикнул я. — Это же твоя дочь! Зачем ты

над ней издеваешься!

Мара отступила назад. Её строгий взгляд медленно переплыл с меня на Кукуню, и на губах сверкнула едва заметная улыбка. Она кивнула мне, чтобы я посмотрел на её дочь.

Не понимая, что происходит, я обернулся.

Кукуня смотрела на меня, приоткрыв рот, её нижняя губа дрожала, а в глазах наворачивались слёзы. Так смотрят на спасителей, пришедших в последний момент.

Я снова сурово посмотрел на Мару, а та лишь ещё больше улыбнувшись, указала пальцем на свой глаз, а затем снова на Кукуню.

Я, чуть смущённый, снова посмотрел на девушку. Сконцентрировав взгляд на парящих вокруг неё письменах, я увидел то, что хотела мне показать жрица.

///

Кукуня

Лояльность: 5

///

Кукуня, резко шагнув ко мне, обняла и вжалась лицом в грудь, крепко прижимаясь. Она очень часто дышала, её сердце бешено билось. Я положил руки ей на плечи, затем на голову и чуть прижал к себе.

Лояльность девушки выросла до пяти — потому что я за неё заступился.

Посмотрев на Мару, я увидел, что она наблюдала за нами с

торжеством, скрестив руки на груди. Так она преподала мне урок. Урок того, как работает эта система. А ещё показала, что манипулирует людьми вокруг себя и не щадит даже самых близких. Я чуть крепче прижал к себе Кукуню.

Мне захотелось защитить её от собственной матери, и это было странное чувство. Такого раньше я не испытывал.

— Это какой-то уж больно жестокий урок, — сказал я, поворачиваясь к жрице.

— Жестокие уроки запоминаются дольше. — Мара отрянула руки, словно испачкала их в чём-то, и, отходя к столу, засучивая рукава, продолжила: — Ты говорил, что тебе нужна лечебная мазь. Что ж, я приготовлю её. Но мне серебрянки не хватает, сходи да набери охапку.

— Чего? — Я возмущённо посмотрел на жрицу. Я тут её учу жизни, а она мне квест на сбор травы выдаёт, совсем что ли кукухой поехала? — Это какая-то шутка что ли?!

— Нет. Кукуня знает, где её можно найти. Она тебя проводит. — Мара говорила буднично, так словно всё идёт по её плану, от чего меня начала раздражать.

Я захотел было что-то возразить, но прежде, чем я открыл рот, Кукуня подала голос:

— Да. Пошли. — Он звучал с небольшим надломом. Не глядя на мать, она быстро вышла из дома, на этот раз не хлопая дверью.

Я снова посмотрел на Мару. Она вопросительно приподняла бровь.

— Ступай, Кощеев, оно тебе нужно в первую очередь, а не мне. — Она начала доставать на стол какие-то склянки и кувшины, снимать развешанные травы.

— Звериные нравы у тебя, Мара, — тихо кинул я, уходя на улицу.

Кукуня ждала меня на другом конце участка. Она старательно вытирала глаза и пыталась привести волосы в порядок, хоть с ними и так всё было нормально.

— Как ты? — спросил я, подойдя к ней и положив ладонь на плечо.

Она подняла на меня всё ещё красные глаза.

— Спасибо. За меня тут ещё никто не заступался.

— А тут было много кому заступаться? — поинтересовался я и жестом предложил Кукуне вести меня к месту сбора.

— Бывали... — Она кинула быстрый взгляд в сторону дома, схватила меня за руку и быстро зашагала по лесной тропе, увлекая за собой.

— Полегче! — снова окликнул её. Сапоги себе из сундуков я не взял, а зря: ходить босиком по лесу было весьма неприятно, всё кололось, и я едва успевал выбирать место для следующего шага, чтобы не напороться на очередную колючку.

Босоногая Кукуня преодолевала лесные просторы с завидной ловкостью. Казалось, она вообще не чувствовала боли или дискомфорта.

— Давай подальше от дома отойдём, — приговаривала

она. — ...не первый ты мужик, что к нашей избушке вышел.

Глава 6. В которой я познал Кукуню

Солнце слепило меня, пробиваясь сквозь голые ветви высоких деревьев. Лес выглядел чарующе-желтоватым в лучах поднимающегося светила. В нос бил прохладный воздух, пахло прелой листвой и елью.

Кукуня бежала быстро, и её темп совершенно не сбивался, я же в какой-то момент выдохся. Ну не привык я бегать по лесам — уже второй раз за сутки эта девушка тянула меня за собой сквозь заросли. В этот раз хотя бы я мог уворачиваться от веток, а одежда защищала от мелких царапин.

Палая листва сменилась ковром из мха. И в этот момент я выдернул руку из хватки Кукуни и, тяжело дыша, облокотился на колени.

— Так... всё... хватит... я... запыхался... давай сделаем передышку, — говорил я, шумно втягивая воздух и щурясь. Сердце бешено колотилось в груди, так что давление начало отдавать в зубы.

Это состояние было следствием сидячего образа жизни. Уже тогда, стоя на поляне посреди леса, я понял, что вскоре жизнь в этих дремучих краях выкует из меня нормального человека.

Кукуня торопливо обошла меня по кругу, осмотрелась: не

подглядывает ли кто за нами. Затем она оттеснила меня к дереву и, сама прильнув поближе, зашептала:

— У маменьки везде глаза да уши. Нет в этом лесу укромного уголка.

— Если бы это было так, она бы, наверное, знала о моём появлении в озере этой ночью, — заметил я.

— А ты думаешь, она не знала? Думаешь, чего это она так вырядилась? — Кукуня зло посмотрела на меня, словно я сказал что-то совсем дурное. Видеть такого рода осуждение от неё было как-то вдвойне неприятно. Не то чтобы я на тот момент считал её какой-то умственно отсталой, но какой-то избыточный инфантилизм в ней всё же был.

Но в словах Кукуни была логика. Мара и вправду с порога выглядела так, словно пыталась меня соблазнить, так что, вероятно, девчушка не врала.

— Ладно, допустим, — сказал я, положив руки на плечи Кукуни, а затем чуть тише продолжил: — Ты сказала, я не первый мужик тут. Что ты имела в виду?

Кукуня снова огляделась по сторонам. Мы стояли тесно прижавшись друг к другу, она шептала едва слышно:

— Мамазя раз в сезон забирает себе молодца из деревни. Проводит с ним ритуал, а затем выбрасывает... что от него останется.

Я ощутил, как где-то внутри меня что-то ёкнуло.

— О каком ритуале ты говоришь? Что значит «что останется»? Она что, мужиков убивает?

— Что? — Глаза Кукуни округлились. — Нет. Она проводит ритуалы, такие же, как в бане... — Она посмотрела на меня непонимающим взглядом. — А иногда в избе, и тогда меня выгоняют наружу на мороз. Я всегда в эти моменты крики слышала, и стоны, и мужские, и женские. Всё думала, может, помощь нужна, но она дверь изнутри запирала.

— Как в бане? — Я посмотрел на неё с сомнением. От сердца чуть отлегло. Чуть отстранил от себя девушку. — Но потом что с ними происходит? С мужичками этими? С молодцами?

— Потом они опустошённые уходят обратно, обычно... ну, я так видела.

— Фух... Кукуня, ты зачем пугаешь-то так? — Я вытер пот со лба. — Я уже подумал, что твоя маманя сжирает мужиков и кости в лесу разбрасывает.

— Фу... какая гадость, — Кукуня скорчила гримасу отвращения.

Я призадумался.

— Погоди-ка... ты хотела сказать мне что-то про вещи в подвале. Это...

— Воот, — протянула Кукуня. — Не все молодцы живыми-то после ритуалов выходят. Некоторые — хватать. — Она хлопнула в ладоши и тут же, испугавшись, начала снова боязливо озираться по сторонам. Убедившись, что никого рядом нет, шёпотом продолжила: — И нет молодца... прихожу в избу, а всё... тю-тю.

— И вещи тогда получается... от тех ребят, что Маре не понравились?

Кукуня быстро закивала.

Я продолжил задавать вопросы:

— А если понравился молодец твоей мамке... то? — Я вопросительно посмотрел на девушку, ожидая, что она ответит.

— То... — повторила она. — то... он живым уходит... на следующее утро.

Я облегчённо вздохнул. На секунду подумал уже было, что и моя участь предрешена и мы тут какой-то прелюдией к смерти занимаемся: сейчас травы наберём, она меня ею накормит — и в гроб.

— А зачем ты шептала-то? — удивился я. — И почему она сама не рассказала о других мужиках?

— Шептала я... — снова озираясь, ответила Кукуня. — Потому что... — Она не решалась ответить. — Всех мужиков она отправляла из дому, и они не возвращались. А ты мне понравился, не хочу, чтобы ты уходил... не хочу снова одна оставаться.

После этих слов она опустила взгляд и начала нервно терзать подол платья. Я смотрел на Кукуню и видел грустную, измождённую тиранией матери девушку. Она как будто совершенно не знала любви и прятала за озорством и наигранностью свою боль.

От осознания этого моё сердце начало биться чаще. Мне

хотелось как-то помочь Кукуне, дать ей если не тепло, которого ей так не хватало, то хотя бы немного ласки. Мне хотелось её — красивую, ранимую, чувственную, молодую и неопытную.

Я ласково поднял её личико навверх за подбородок. В её глазах мелькнул огонёк надежды. Сделав шаг навстречу, я прильнул к её губам.

Поцелуй был не таким, как с её матерью. Я старался быть нежным, аккуратным, чтобы не спугнуть.

Кукуня закрыла глаза. Её пальцы вцепились в мою рубашку на груди, крепко-крепко, она тянула меня к себе.

Её ответный поцелуй стал чуть глубже. Она подключила язык, но тут же, испугавшись, чуть отпрянула. Посмотрела на меня испуганным взглядом.

Я улыбнулся ей.

Она опустила взгляд вниз, прикусывая нижнюю губу.

— Не бойся, — прошептал я, проведя ладонью по её щеке, убирая волосы назад.

Она сделала глубокий вдох.

Мы снова сплелись в поцелуе, на этот раз более страстном.

Она начала обнимать меня.

Я же в свою очередь одной рукой обнял её за талию и прижал к себе. Внизу живота ощутил горячий прилив сил.

Вторая моя рука запуталась в её волосах на затылке.

Наш поцелуй стал глубже. Языки начали сплетаться в страстном танце.

Моя рука опустилась на её ягодицу. Она закинула мне на бедро ногу, и её платье начало задирается вверх, оголяя красивые ножки.

Я приподнял её за ягодицы, давая обхватить себя ногами сзади, и прижал к дереву. Ощутил кожей шершавую кору.

Она выдохнула со стоном. Её руки обвилились вокруг моей шеи. Снова страстный поцелуй.

Я делал плавные движения тазом, прижимаясь своим возбуждённым членом к ней сквозь одежду. Она чувствовала это, она старалась двигаться в такт мне, отвечая на мои движения.

— Дима... — прошептала она мне на ухо, вцепившись пальцами в волосы. — Я... я хочу... тебя...

Я осторожно повалил её на холодный мох. Лес над нами был тих и безмятежен, даже ветер не колебал ветвей деревьев, оставляя нас наедине друг с другом, позволяя слышать дыхание, ощущать, как бьются сердца. Я чувствовал каждый её вздох.

Она смотрела на меня влюблёнными глазами, в которых в то же время читался и страх.

Моя рука задрала подол её платья. Пальцы скользнули по внутренней стороне бедра вверх. Нежная, горячая кожа.

Влажное лоно под волосами. Я начал нежно ласкать её пальцами. Она издала сдавленный стон. Я снова впился в её губы поцелуем.

Её тело извивалось под моими руками. Она постанывала

сквозь поцелуй. Её горячие ноги так и норовили сжать мою кисть, но тут же чуть раздвигались, давая мне продолжать ласку.

Но посреди процесса она неожиданно вырвалась из поцелуя.

Открыв глаза, я увидел, что она чуть напуганно смотрит на меня.

— У мм... меня... — Её голос едва пробивался сквозь шёпот и дрожал. — ещё не было...

— Я буду нежен, — сказал я, кивнув ей.

Она всё равно напуганно поджала губы и посмотрела вниз.

Я стянул штаны. Когда она увидела мой разгорячённый член, из её рта вырвался неуверенный выдох. Мы снова встретились глазами.

— Обними меня, — сказал я шёпотом. — Держись крепко. Если почувствуешь боль, так и скажи, я остановлюсь.

Она закивала.

Я снова провёл рукой по её киске, она была очень влажной. Поднеся головку члена к её телу, я вновь посмотрел в её глаза. В них были одновременно и страх, и трепет, и возбуждение.

Я начал медленно входить внутрь. Её глаза расширились, рот открылся, нижняя губа задрожала. Пальцы крепко вцепились в мою спину сквозь рубаху.

Я, поджав губы, продолжил, старался быть нежным и

осторожным, не хотел причинить ей боль, хоть и знал, что в первый раз это в любом случае будет очень чувствительно.

Она, зажмурившись, упёрлась лицом в мою шею. Я вошёл глубже. Её тело дрожало. Ещё глубже. Её ногти впились в кожу, я сам ощутил боль, шикнул, закусил губу, но не остановился.

Ещё одно движение — и её тело резко вздрогнуло подо мной. Она прижалась ко мне. Я начал двигаться взад-вперёд. Движения были медленными, плавными. Я хотел почувствовать её, хотел, чтобы она прочувствовала меня.

Постепенно её дыхание становилось всё более отрывистым, она начала дышать чаще, хватка ослабла. Её тело, напряжённое и зажатое, постепенно расслаблялось.

Вскоре, чуть выгнувшись, она прошептала мне в шею:
— Да, Дима...

В какой-то момент её таз начал двигаться мне навстречу. Тихонько она постанывала при каждом моём входе.

Я почувствовал, что могу чуть ускориться.

Я проводил ладонью по её бёдрам, ощущал, как содрогается её тело. Кукуня возбуждала меня всё сильнее: меня возбуждало в ней всё — то, как она впивалась пальцами в мою спину, как учащались её стоны, как горячо было её дыхание и как она сама начинала двигаться быстрее мне навстречу. Я больше не мог сдерживаться, да и не хотел. Я сорвался.

Минутой спустя, тяжело дыша, я лежал на спине, а Кукуня, прижавшись к моей груди, тесно сжала ноги. Я обнимал

её одной рукой, вода пальцами по спине.

Крови не было. Мне удалось сделать всё достаточно нежно и плавно.

— Всё прошло хорошо? — робко спросила она наконец. Я чуть усмехнулся.

— Ты мне скажи. Как ты себя чувствуешь?

Кукуня прикусила губу, обдумывая ответ, и игриво отвела взгляд в сторону.

— Я пока не поняла... — А после недолгой паузы добавила: — ...нужно будет попробовать ещё раз.

Я тихонько засмеялся, крепче прижав девушку к себе.

Посмотрев на Кукуню, я заметил, что вокруг неё снова заплясали письма. Это был уже знакомый мне текст с её характеристиками, и опять в этой веренице параметров один отличился особенно ярко, словно подмигивая, он привлекал моё внимание.

///

Кукуня

Лояльность: 6

///

Лояльность выросла всего на единицу. Меня это удивило: видимо, занятие любовью Кукуне понравилось не так сильно, как то, что я заступился за неё, защитив от Мары. С другой стороны, раз лояльность выросла, значит, ей понравилось? Это уже неплохо.

Я погладил девушку по голове и заметил, что вокруг моей

собственной руки тоже начали вращаться надписи. А если быть точным — одна надпись.

///

Касание Нави 1 (35:57)

///

Я долго смотрел на этот текст, пытаюсь понять, что означают загадочные цифры «35:57», но прямо на моих глазах цифра сменилась на «35:56». Стало понятно, что это обратный таймер. Секс с Кукуней даровал мне новую силу к тем двум, что у меня уже были.

— Касание Нави... — прошептал я задумчиво.

— Что? — Кукуня подняла взгляд на меня.

Я перевёл взгляд с ладони на девушку.

— Твоя мама сказала мне, что я получаю силу от женщин, с которыми... кхм... возлежу.

— Так? — Она чуть приподнялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.